

РУССКАЯ
АРМИЯ
НА ЧУЖБИНЕ

Белое движение в России

**Русская армия на чужбине.
Галлиполийская эпопея. Том 12**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. Том 12 /
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10018-4

Книга представляет собой двенадцатый том серии, посвященной истории Белого движения в России и пребыванию Русской Армии генерала П.Н. Врангеля в лагерях в Галлиполи и других местах в течение первого года после ее эвакуации из Крыма в конце 1920 г. Показан трагизм положения русских воинов, когда приходилось бороться с голодом, холодом, жарой, болезнями, недоброжелательством бывших союзников. Тем не менее, Врангель и его окружение (в первую очередь, Кутепов, Кусонский, Шатилов), прилагая невероятные усилия, сумели сохранить наиболее надежные и подготовленные кадры своей армии и подготовили ее к перебазированию в Болгарию и Югославию. Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10018-4

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1	9
Русская Армия в изгнании. 1920–1923 годы ¹	9
Прибытие Русской Армии и флота в Константинополь	9
Жизнь армии в военных лагерях: Галлиполи, Лемнос, Чаталджа	10
Перевозка армии в славянские государства	12
Настоящее положение армии и флота	13
Учебное дело	17
Помощь инвалидам, нетрудоспособным и семьям чинов армии	19
Медицинская помощь	20
Заключение	21
В. Даватц ¹² , Н. Львов ¹³	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Русская армия на чужбине.
Галлиполийская эпопея
Составление, научная редакция,
предисловие и комментарии д.и.н.
Сергея Владимировича Волкова**

Белое движение

Том 12

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Двенадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен жизни Русской Армии в лагерях в Галлиполи, Чаталдже и на острове Лемнос после эвакуации из Крыма.

Образцово проведенная эвакуация Русской Армии генерала Врангеля из Крыма в начале ноября 1920 года привела в Константинополь на 126 кораблях почти 150 тысяч человек. Кроме того, к этому времени за рубежом уже находилось несколько десятков тысяч воинских чинов, попавших туда после новороссийской и одесской эвакуаций, а также из состава Северной и Северо-Западной белых армий.

Командование не считало борьбу законченной и во что бы то ни стало стремилось сохранить армию как боевой организм. Еще в пути она была сведена в 1-й армейский, Донской и Кубанский корпуса, разместившиеся, соответственно, на Галлиполийском полуострове, в районе Чаталджи (50 км к югу от Константинополя) и острове Лемнос (уже бывшем ранее прибежищем части эвакуированных из Новороссийска). В Константинополе армию разрешалось покинуть всем престарелым и раненым офицерам, а также всем штаб-офицерам, которым после сведения частей не осталось строевых должностей. Были распущены и практически все тыловые учреждения и организации. Позже на остров Лемнос были перевезены из других лагерей и донские части.

Армия оказалась в очень тяжелом положении, разместившись в старых, полуразрушенных деревянных бараках и даже просто палатках, которые должны были служить убежищем в зимнюю пору. Начались массовые заболевания, у тысяч людей открылся туберкулез в острой и быстро прогрессирующей форме. При отсутствии медикаментов уже за декабрь – январь умерло около 250 человек. Чины армии жили в палатках в большой скученности без всяких средств к существованию (все имевшее какую-то ценность имущество было продано в первые же дни в Константинополе за продукты). На 12 февраля 1921 года численность армии составляла 48 319 человек, среди которых до половины офицеров. Французское командование, стремясь поскорее избавиться от армии, стремилось распылить ее, не останавливаясь даже перед настойчивой агитацией за возвращение в руки большевиков. В результате этих усилий в первые месяцы 1921 года лагеря покинуло примерно 10 тысяч человек.

В таких разлагающих условиях Врангель и его окружение (в первую очередь генералы А.П. Кутепов, П.А. Кусонский, П.Н. Шатилов) прилагали неимоверные усилия по поддержанию дисциплины, понимая, как важно сохранить «надежный и вполне подготовленный кадр будущей армии». Проводились учения, парады, офицерские военно-штабные игры, активно действовали военно-полевые суды, решениями которых 40 офицеров были разжалованы в рядовые.

Одновременно велись напряженные переговоры с правительствами Балканских стран о размещении там чинов армии. Наконец соглашения были достигнуты, и в конце весны 1921 года началось перебазирование армии в Болгарию, в основном завершившееся в середине декабря того же года. На 22 мая 1921 года, когда началась отправка войск, они насчитывали 12 833 офицера и 29 816 солдат и казаков. Кавалерийская дивизия уже с августа 1921 года находилась в Югославии, принятая в полном составе – 3382 человека на пограничную стражу и частично в жандармерию.

Длившееся больше года «Галлиполийское сидение», ставшее для чинов армии суровым испытанием, но оставшееся в памяти его участников как славная эпопея, закончилось. Но галлиполийцы сохранили тесную спайку и в последующей эмигрантской жизни. Еще 22 ноября 1921 года в Галлиполи было основано Общество Галлиполийцев. В общество входили: Союз Галлиполийцев во Франции, отделы в Венгрии, Бельгии, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Люксембурге и США. В Белграде существовал Издательский отдел Общества, в Праге до

Второй мировой войны ежемесячно издавался журнал «Информация юго-восточного отдела общества Галлиполийцев» (вышло около 100 номеров), отделом в США в 1950—60-х годах – журнал «Перекличка». Эмблемой общества стал Галлиполийский крест – учрежденный 15 ноября 1921 года для бывших в лагерях особый знак в виде черного креста с надписью «Галлиполи» (для бывших на острове Лемнос – с надписью «Лемнос») и датами сверху и внизу «1920», «1921».

В настоящем издании собраны воспоминания русских белых офицеров, которые никогда в России не публиковались.

Содержание тома разбито на три раздела. Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях, а также в названиях организаций и воинских частей (использовании прописных и строчных букв); их правильное написание – в комментариях.

Книга иллюстрирована большим количеством фотографий из архива личного секретаря генерала Врангеля Николая Михайловича Котляревского. Фотографии любезно предоставлены его дочерью и внучкой графинями М.Н. и Е.В. Апраксинами, за что автор-составитель и издатели им глубоко благодарны.

Раздел 1

Русская Армия в изгнании. 1920–1923 годы¹

Прибытие Русской Армии и флота в Константинополь

6—19 ноября 1920 года на Босфоре сосредоточилось 126 судов русского военного и торгового флота, имея на борту около 150 тысяч человек как чинов Русской Армии, так и гражданского населения.

Из флота Юга России ушли все суда, которые могли стоять на воде: 66 вымпелов русской эскадры (18 боевых судов, 26 транспортов и 22 мелких судна), 9 торгово-пассажирских пароходов, мелкие суда торгового флота и почти все частновладельческие.

Перед эвакуацией Крыма генерал Врангель открыто объявил всем, оставляющим пределы Отечества, о невозможности рассчитывать на чью-либо помощь на чужбине, предлагая каждому свободно решить свою судьбу.

До 150 тысяч человек не сочли возможным остаться на родине и пошли на чужбину, из них свыше 100 тысяч воинских чинов и около 50 тысяч гражданского населения, в том числе свыше 20 тысяч женщин и около 7 тысяч детей.

Из 100 тысяч воинских чинов около 50 тысяч принадлежали к строевым частям армии и флота, свыше 6 тысяч было вывезено раненых и больных (все желающие – преимущественно офицеры и юнкера), до 40 тысяч чинов тыловых учреждений и частей и свыше 3 тысяч чинов военно-учебных заведений.

На судах, пришедших из Крыма, было вывезено также и казенное имущество: интендантских грузов (продовольствие, обмундирование, белье, шерсть, обувь, мануфактура) на сумму около 60 миллионов франков, артиллерийских грузов – на 35 миллионов франков и угля на 6 500 000 франков; всего на сумму до 110 миллионов франков.

Все это имущество, за исключением весьма незначительной части обмундирования, белья и прочего, выданного на нужды армии и беженцев, на сумму примерно 15 миллионов франков, взято французами.

Согласно договору Главнокомандующего с Верховным комиссаром Франции на Юге России графом де Мартелем, все лица, эвакуированные из Крыма, поступали под покровительство Французской Республики, взамен чего правительство Франции брало в залог русский тоннаж.

По прибытии в Константинополь генерал Врангель поставил себе задачи:

- 1) Прежде всего обеспечить всех вывезенных из Крыма кровом и пищей и оказать раненым и больным медицинскую помощь.
- 2) Отделить из вывезенных чинов армии и флота весь боевой материал и, организовав его, использовать время пребывания на чужбине для того, чтобы надлежаще воспитать его морально, обучить и по возможности поставить на самостоятельные ноги в материальном отношении.
- 3) Учитывая, что французы не могут долго содержать эвакуированных, теперь же начать переговоры с правительствами славянских государств и Венгрии о перевозке армии в эти братские и сочувствующие страны, где, не ложась бременем на приютившие ее народы, армия могла бы своим трудом существовать до того дня, когда она будет снова призвана выполнить свой долг перед Родиной.
- 4) Связать разбросанных по всем государствам Европы русских воинов с армией.

5) Объединить русскую общественность вокруг армии, как ядра национальной России, и
6) Соответствующей политической работой показать, что борьба, которую вела оставленная всеми Русская Армия, имеет значение мировое, почему армия эта должна получить заслуженную ею помощь и поддержку.

Задачи эти с первых же дней, по прибытии в Константинополь, стали настойчиво проводиться в жизнь.

На первой очереди стоял насущный вопрос срочного рассредоточения прибывших из Крыма в Константинополь.

1) Около 60 тысяч чинов армии было отправлено, с сохранением военной организации и с оставлением части оружия, в особые военные лагеря, где французским правительством им был обеспечен паек: регулярные войска свыше 25 тысяч, под начальством генерала от инфантерии Кутепова², – в Галлиполи, около 15 тысяч донцов, под начальством генерал-лейтенанта Абрамова³, – в район Чаталджи и до 15 тысяч кубанцев, под начальством генерал-лейтенанта Фостикова⁴, – на остров Лемнос.

2) Все раненые и больные были устроены в иностранных и русских госпиталях в районе Константинополя и плавучих. Инвалиды – помещены во вновь открытые санатории и инвалидные дома.

3) 32 тысячи беженцев были отправлены в различные государства, правительства коих дали согласие на их прием и обещали оказать им помощь: 22 тысячи – в Королевство С.Х.С., в том числе 2 кадетских корпуса, 2 тысячи – в Румынию, 4 тысячи – в Болгарию и до 2 тысяч – в Грецию.

4) 30 судов русского военного флота, с личным составом до 6 тысяч человек, в том числе и Морской кадетский корпус⁵, по указанию правительства Франции, пошли в Бизерту.

5) Оставшиеся в Константинополе беженцы были устроены в лагерях, открытых французами, и общежитиях, организованных сформированной распоряжением генерала Врангеля беженской частью и общественными организациями на средства, отпущенные командованием.

Жизнь армии в военных лагерях: Галлиполи, Лемнос, Чаталджа

Покончив с первой насущной задачей, немедленно приступлено было к выполнению остальных, выделив в первую голову вопросы о новой организации армии, поднятии дисциплины и духа в ней, обучения войск и о перевозке армии в славянские страны.

С первых же шагов жизни на чужбине неуклонно проводился принцип, что в армии должны остаться лишь желающие. Право перехода на беженское положение, сразу же по прибытии в Константинополь, было предоставлено сначала лишь известным категориям лиц, а затем и всем без исключения чинам.

Выделив из себя небоеспособные элементы, армия, сведенная в три корпуса: 1-й армейский⁶, Донской⁷ (вскоре, за исключением одной бригады, перевезенный из района Чаталджи на Лемнос) и Кубанский⁸, уменьшила до 45 тысяч свой состав, но зато окрепла морально для предстоящих ей испытаний. Расшатанная дисциплина, как следствие долгой Гражданской войны, требовала принятия исключительных мер и твердости начальников. Учитывая тяжелое нравственное состояние чинов армии на чужбине, Главнокомандующий призывал начальников всех степеней быть особенно близкими к своим подчиненным и всячески заботиться о них.

Особенное внимание в лагерях было обращено на военно-учебную часть. В восьми военных училищах обучалось до 3 тысяч юнкеров по программам мирного времени, в исключительно трудных условиях, почти без пособий. Были открыты школы: артиллерийская, инженерная, гимнастическая, а также курсы по подготовке командиров батальонов, рот, эскадронов,

сотен, батарей и военно-административные. Во всех частях шли усиленные занятия в учебных командах, а также строевые и по специальностям различных родов войск. С старшими начальниками велись особые занятия, устраивались лекции, доклады, была организована военная игра. Для детей-подростков в лагерях были устроены гимназии (Галлиполи) и детские сады.

Ввиду того что все русские казенные денежные суммы, находящиеся за границей, оказались в руках совещания послов, командование почти не имело средств и было лишено возможности оказывать армии денежную помощь в нужном размере.

Отпуская средства на содержание беженских общежитий и других благотворительных учреждений в Константинополе, командованию с большим трудом удавалось выдавать, и то не каждый месяц, денежное пособие на мелкие расходы чинам армии, находящимся в военных лагерях (2 лиры офицеру, 1 лира солдату) и производить небольшие отпуска на учебные заведения, информацию, лечебные заведения и хозяйственные надобности частей.

Благодаря неуклонной работе всех чинов армии, во главе с доблестными начальниками генералами Кутеповым и Абрамовым, и несмотря на исключительно трудные условия жизни, армия вскоре стала в полном смысле регулярной, крепко спаянной дисциплиной и одухотворенной горячей верой в правоту и торжество своего дела.

Тяжелое испытание, выпавшее на долю армии, испытание ее твердости, ее духа было встречено армией спокойно, и она вышла из него с честью, победительницей, твердо веря в необходимость для родины своего существования.

Благожелательное поначалу отношение к Русской Армии к началу марта 1921 года резко изменилось. Под давлением враждебных армии русских общественных кругов, под влиянием политики Англии и ввиду тяжелого внутреннего положения в самой Франции, местные французские власти, получив инструкции из Парижа, стали угрожать прекращением довольствия и предложили чинам армии три выхода:

- 1) возвращение в Совдепию,
- 2) эмиграцию в Бразилию и Перу и
- 3) жизнь на собственные средства.

В ответ на это Главнокомандующий заявил, что, вполне сознавая всю тяжесть расходов, легших на бюджет французского правительства, он сразу же по прибытии в Константинополь начал вести переговоры с правительствами славянских государств и Венгрии о перевозке и расселении в этих государствах, на тех или иных условиях, контингентов армии, имея целью возможно скорее уменьшить число лиц, состоящих на французском пайке; к своему заявлению он добавил, что переговоры ведутся вполне успешно и есть полная надежда рассчитывать на благоприятное разрешение этого вопроса.

Что же касается возвращения в Совдепию или эмиграции в Бразилию, то генерал Врангель определенно сказал: «Я, как Главнокомандующий, не могу толкать на верный расстрел или белое рабство людей, честно и с верою шедших со мною на подвиг и самые тяжелые испытания».

Оторванный от армии и лишенный французами возможности повидать войска в эти тяжелые для армии дни, Главнокомандующий обратился к ним с призывом: крепко сплотиться, как год тому назад в Крыму, вокруг него и своих начальников, памятуя, что в единении наша сила, и с неизменной, непоколебимой верой обещал им, как и ранее, с честью вывести их из новых испытаний.

Одновременно с самой широкой агитацией в лагерях за возвращение в Совдепию и эмиграцию в Бразилию на полную неизвестность, без всякой надежды на возвращение на Родину, французами официально было объявлено, что Русской Армии больше не существует и что никто не должен слушаться своих русских начальников, коих французы не признают. Все это сопровождалось угрозами прекращения в ближайшие дни пайка.

На предложение французов пошли лишь наиболее слабые духом элементы, все сильное осталось непоколебимо, и в результате из армии было отправлено до 3 тысяч в Совдепию и около того же числа в Бразилию, большей частью казаков. Одновременно французы открыли запись желающих поступить в Иностранный легион, которая дала лишь несколько сот человек. За время пребывания в лагерях до 4 тысяч человек перешло на беженское положение в поисках заработка, под угрозой прекращения пайка и голодной смерти.

Армия выкристаллизовалась и с честью вышла из этого тяжелого испытания, она стала духовно еще крепче, еще более стойкой.

Перевозка армии в славянские государства

Удачно начатые и энергично проводимые переговоры о перевозке армии в славянские страны и Венгрию затягивались, так как французы не только не оказывали, казалось бы, естественной с их стороны поддержки, но всячески тормозили переговоры и чинили препятствия. Лишь благодаря исключительной энергии и настойчивости удалось достигнуть положительных результатов. Удачному завершению переговоров весьма способствовал командированный в славянские страны генерал Шатилов⁹.

В основу расселения было положено: Русская Армия, не ложась бременем на приютившие ее государства, собственным трудом добывает средства для своего существования, в ожидании того дня, когда она снова будет призвана выполнить свой долг перед Родиной. Главное командование содержит минимальный командный состав, инвалидов, принадлежавших к составу армии, нетрудоспособных, женщин и детей, обеспечивает медицинскую помощь и отпускает средства на санитарные учреждения, читальни, газеты и информацию.

Королевство С.Х.С. дало согласие на прием регулярной конницы на службу в сербскую пограничную стражу, а кубанских казаков и технические части – на различные дорожные работы.

Правительство Царства Болгарского дало разрешение на расселение в предоставленных болгарам свободных казармах 14 тысяч контингентов армии, причем в обеспечение их жизни на один год были внесены средства в депозит болгарской государственной казны. Кроме того, 2 тысячи человек были приняты Болгарией на дорожные работы.

Особым договором, заключенным военным представителем Главнокомандующего с начальником штаба болгарской армии, были установлены основные положения жизни Русской Армии в Болгарии, коими за армией полностью сохранялась военная организация, предоставлялось право ношения военной формы и т. д.

Ввиду особо тяжелого положения казаков на острове Лемнос, Главнокомандующий решил перевезти их в Балканские страны в первую очередь.

В мае месяце началась, наконец, перевозка частей, и к началу 1922 года Донской и Кубанский корпуса полностью, а 1-й армейский за исключением 1½ тысячи человек, оставшихся временно в Галлиполи, были перевезены в Королевство С.Х.С. и Болгарию. Кроме того, около тысячи донцов были устроены на земледельческие работы в Чехословакию и до 3 тысяч донских и кубанских казаков выехали на работы в Грецию. Последние галлиполийцы весной 1923 года присоединились в Сербии к армии, а 300 человек из них устроены на различного рода работы в Венгрии.

Всего перевезено воинских чинов из военных лагерей и района Константинополя: в Болгарию – 17 000 человек, в Королевство С.Х.С. – 11 500, в Чехословакию – 1000 (в том числе 100 человек студентов-галлиполийцев), в Грецию – 3000 человек, в Венгрию – 300, в Бизерту – 6000 человек. Итого: 38 800 человек.

Настоящее положение армии и флота

В ожидании лучших дней, когда армия и флот будут призваны возобновить свою службу Родине, чины их собственным трудом обеспечивают свое существование, находя приют в различных государствах.

В Королевстве С.Х.С. расположены:

1. Чины кавалерийской дивизии, несущие пограничную службу в финансовом контроле на северной и западной границах и в пограничной страже на южной границе Королевства. Пограничники разбиты на четы. Командирами чет и всех высших соединений являются исключительно сербы, русский же командный состав использован в качестве помощников в пограничной страже или «референтов» (советников) по русским делам в финансовом контроле – соответствующих сербских начальников. Все русские воины, поступившие на эту службу, подписали особый контракт и ежегодно его возобновляют, кроме того, все они принесли также присягу на верность службы Королю.

Право носить русскую военную форму сохранено лишь за старшими воинскими чинами, начиная с командиров эскадронов, принятых на должности чиновников, только на службе в пограничной страже. Число их – 21 человек. Командир бригады и командиры полков, состоящих на службе в финансовой страже, и чины дивизии, находящиеся на иждивении главного командования, имеют также право носить русскую военную форму. Командиры же полков, состоящие на службе в финансовой страже, во время исполнения служебных обязанностей должны носить сербскую форму. Все остальные офицеры, за исключением офицеров последнего выпуска из Николаевского кавалерийского училища¹⁰, числятся унтер-офицерами (наредниками и поднаредниками) и носят сербскую форму.

Оклады месячного содержания в пограничной страже: воиник – 700 динаров, наредник – 850 динаров, офицер на чиновничьей должности – 1000 динаров; в финансовом контроле все получают содержание приправника (рядовой) – 600 динаров. Командиры эскадронов носят звание сверхштатного подпрегледника.

В целях иметь некоторые средства на черный день: на случай болезни, безработицы, ухода из части и т. д., во всех частях образованы запасные эскадронные капиталы, с вычетом в месяц в финансовом контроле 6 процентов из получаемого содержания и в пограничной страже – 8 процентов. Деньги эти составляют личную собственность каждого вкладчика, но расходоваться могут лишь в отдельных определенных случаях.

Ввиду расположения многих чет, в особенности по южной границе, не только вдали от крупных центров, но и от жилья вообще, условия жизни кавалеристов местами тяжелы как в отношении жилья, так и довольствия, принимая во внимание сравнительно небольшое содержание и крайнюю трудность доставки продуктов в места расположения чет и выброшенных ими вперед, к самой границе, постов. Однако, несмотря на это и крайне разбросанное и изолированное местами расположение, кавалеристы представляют собою исключительно крепкую по духу и внутренней спайке семью.

Недостаток содержания в финансовой страже вынуждает многих стремиться получить продолжительный отпуск, дабы подыскать себе на стороне более выгодный заработок. Почти все эти чины обыкновенно организуют артели и работают вблизи находящихся на службе в финансовой страже своих однополчан, поддерживая с ними самую прочную связь.

В пограничной страже условия службы в общем значительно лучше, ввиду чисто военной организации. Со стороны сербского начальства неоднократно приходилось слышать прекрасные отзывы как о службе, так и о поведении чинов армии, находящихся в пограничной страже и финансовом контроле.

2. Кубанцы, донцы-гвардейцы, технические части и последние галлиполийцы, лишь несколько месяцев тому назад прибывшие из Галлиполи, находятся на различного рода работах.

Кубанцы расположены в трех группах: а) в районе Вранье, б) вблизи Белграда и в) в Словении, в районе Ормож – Лютомер.

Враньская группа уже более двух лет ведет работы по постройке шоссе. Казаки обеспечены сравнительно хорошо, зарабатывая в день 25–30 динаров и более. Живут казаки частью в выстроенных ими и прекрасно оборудованных землянках, частью по частным квартирам.

Вторая группа заканчивает работы по постройке железной дороги вблизи Белграда и постепенно перебрасывается на такие же работы в Словению, в район Ормож – Лютомер, где уже работают из ее состава свыше 300 казаков. Дневной заработок в Белградской группе в среднем также около 30 динаров, при сдельной же работе он достигает до 1000 и 1200 динаров в месяц. Живут казаки частью по квартирам, частью в бараках, предоставленных дирекцией.

В районе Ормож – Лютомер летние месяцы были выгодны для рабочих и каждый казак, работающий «сдельно», получал в месяц 1200 динаров и еще 200 динаров наградных. Особыми положениями и договорами, заключенными с дирекциями строительных работ, точно регламентирован порядок и распределение заработной платы во всех группах; семьи казаков, находящихся на работах, получают паек от дирекции.

Сравнительно малый процент офицеров в частях и большая привычка казаков к физическому труду много способствовали тому, что кубанцы исключительно хорошо устроились на работах. Во всех трех группах уже давно обращено особое внимание на обеспечение казаков на случай временной безработицы и увечий, полученных на работах: созданы процентными отчислениями из заработной платы ремонтный, инвалидный, санитарный и запасный капиталы. Медицинская помощь организована прекрасно, причем казаки приходят в этом отношении на помощь, производя особый ежемесячный вычет на санитарные нужды.

Все слабые духом уже давно ушли, оставшиеся представляют сплоченную и духовно крепкую часть. Внутренняя жизнь налажена прекрасно, во всех группах имеются свои лавочки и различные, отлично организованные мастерские, что дает возможность казакам быть хорошо и щеголевато одетыми и обутыми, а также иметь все необходимое по дешевой цене, несмотря на отдаленность некоторых мест их работ от центров. Информация налажена отлично. Кроме получаемых в сравнительно большом количестве газет, издается свой информационный бюллетень «Кубанец», достаточно полный и содержательный, – в результате казаки в курсе всех событий.

Донцы-гвардейцы, проведя год на службе в пограничной страже на венгерской границе, а затем, ввиду сокращения пограничной стражи, примерно такой же срок на крайне тяжелых лесных работах в Старой Сербии, ныне работают на постройке дорог в двух группах: в районе Быхача в Боснии и в районе Орможа в Словении.

Условия труда и жизни в новых районах работ гвардейских казаков значительно лучше, чем на лесных заготовках. Средний дневной заработок достигает 40 динаров в сутки. Производятся процентные отчисления в капиталы на случай безработицы. Специалисты техники работают по специальностям в различных районах и имеют заработок от 1000 и более динаров в месяц.

В районе Кральево на дорожных работах находится группа из состава последних галлиполийцев, в числе около 120 человек. Условия работ и жизни в бараках, предоставленных дирекцией, благоприятны. Дневной заработок на этих работах не менее 35 динаров. Несмотря на сравнительно недавнее пребывание на работах, все чины группы уже производят отчисления в запасный капитал на случай перерыва в работе. Постепенно налаживается медицинская помощь, открываются артельные мастерские, устраиваются библиотеки и читальни.

Наличие большого количества групповых работ в Королевстве С.Х.С. и почти повсюду хорошее отношение к русским контингентам как со стороны властей, так и местного населения в значительной степени облегчили проведение в жизнь основной задачи, постановки армии на работы.

Вследствие отсутствия в данное время свободных средств и имея в виду возможность как прекращения по разным причинам тех или иных групповых работ, на которых находятся части армии, так и временного их перерыва, генерал Врангель приказал обратить особое внимание на скорейшее образование во всех частях запасных капиталов пропорционально заработку каждого чина армии, находящегося на работах. Вклады эти составляют личную ответственность каждого вкладчика и расходуются лишь для обеспечения довольствием в случае перерыва в работах.

Кроме вычетов в запасный капитал, везде, где чины армии, потерявшие на работах трудоспособность, не получают от министерства труда или дирекции обеспечения, Главнокомандующим указано производить еще и отчисления в особый инвалидный капитал. Меры эти во всех частях проводятся в жизнь, и люди, понимая их значение, широко идут навстречу начинаниям Главнокомандующего, сплошь и рядом производя большие, нежели указано, отчисления, на случай временной безработицы.

Болгария. Части армии, прибывшие в Болгарию осенью и зимой 1921 года (1-й армейский корпус из Галлиполи и Донской с Лемноса) – всего около 17 тысяч человек, – были приняты правительством Царства Болгарского: 2 тысячи на работы, а остальные для расселения в стране за счет русских средств, внесенных в депозит государства, на основании особого договора, заключенного военным представителем Главнокомандующего с начальником штаба болгарской армии.

Главнейшими основаниями этого договора были: части армии, перевезенные в Болгарию по назначению генерала Врангеля, сохраняют полностью свою организацию и своих начальников, ответственных за поддержание в них дисциплины и порядка. Все чины имеют право ношения военной формы и обязаны повиноваться болгарским законам, не принимая никакого участия во внутренних делах государства и его политической жизни.

Вначале отношения со стороны болгар к контингентам были прекрасные, части устроились в предоставленных им для жилья свободных казармах, и везде начались интенсивные занятия. Одновременно постепенно стал проводиться в жизнь основной принцип о постановке всех трудоспособных элементов на работы. Однако в Болгарии это встретило сильные затруднения, так как больших групповых работ не было, за исключением рудников, куда вначале командованием было признано нежелательным ставить на работы контингенты, ввиду исключительно тяжелых условий жизни и труда на них. Волей-неволей чины армии постепенно стали устраиваться на одиночные, преимущественно сельскохозяйственные работы, не утрачивая связи со своими частями.

Ввиду значительно меньшего процентного отношения числа офицеров в Донском корпусе, в среднем около 30 процентов, постановка на работы чинов его проводилась в жизнь значительно быстрее, чем в 1-м корпусе, где число офицеров превосходило 50 процентов всего численного состава частей.

Летом 1922 года генерала Врангель в отданном им приказе писал: «Наша казна истощена, мы стоим перед суровой необходимостью собственным трудом снискать себе средства к жизни. Пусть каждый, кто в силах, становится на работу, он облегчит этим помощь другим, более слабым. Заменяв винтовку на лопату и пашку на топор, чины армии останутся членами своей родной полковой семьи, русскими воинами».

Дружно откликнувшись на призыв Главнокомандующего, в сознании необходимости общими силами сохранить на чужбине национальную армию, чины ее не погнушались черной работой, явив редкое величие духа.

Период постановки армии на работы был особенно тяжелым в Болгарии, так как он совпал там с травлей армии в печати и гонением против нее со стороны правительства Стамбульского, в корне нарушившего заключенный им договор и издавшего целый ряд распоряжений, имевших целью распылить и уничтожить армию.

Однако, несмотря на это, к 1 сентября вся армия в Болгарии перешла на трудовое положение; на содержании командования осталось лишь небольшое число хозяйственных чинов частей, семьи чинов и инвалиды. Кроме того, в распоряжении частей было оставлено некоторое количество пайков на случай болезни кого-либо из чинов или временной безработицы.

В частях были устроены околотки, бани, общежития, библиотеки и столовые для прибывающих с работ. Было обращено особое внимание как на должную информацию людей, разбросанных на работах по всей Болгарии, так и на установление с ними прочной связи.

С наступлением зимнего времени и прекращением части работ число запасных пайков, находящихся в распоряжении частей, было увеличено до 4 тысяч, что дало возможность всем безработным провести период времени с 1 ноября по 1 марта вместе и отдохнуть от тяжелых и непривычных условий жизни и труда на различных работах, в особенности же на рудниках, куда попала значительная часть контингентов.

С весны, в целях экономии, число хозяйственных чинов в группах было значительно уменьшено и все находившиеся на «запасных пайках» снова стали на работы. На образование в частях, расположенных в Болгарии, запасных и других капиталов, подобно Сербии, также было обращено внимание.

Разбросанные по всей Болгарии русские воины в тяжелые дни гонений со стороны правительства Стамбульского и агитации коммунистов, несмотря на высылку всех старших, наиболее авторитетных, начальников, показали свое величие духа, верность заветам и редкую сплоченность: из 17 тысяч русских воинов, находящихся в Болгарии, в «Союз возвращения на родину» записалось лишь несколько сот человек.

Немалое значение в этом отношении сыграла и правильно поставленная информация; еще со времени пребывания армии в лагерях Галлиполи и Лемноса чины ее прекрасно знали, кто друзья армии и кто ее враги, ибо Главнокомандующий приказывал всегда широко знакомить войска, наравне с честными органами русской печати, также и с теми, которые, не брезгуя ложью и клеветой, чернят армию, генерала Врангеля и старших начальников. Одновременно издававшиеся распоряжением Главнокомандующего информации, бюллетени и листки правдиво знакомили части армии с действительным положением дел как в Советской России, так и во всей Европе.

В данное время, в связи с изменением политической обстановки в Болгарии, травля русских воинов прекратилась и люди, тяжелым трудом зарабатывающие себе средства к существованию, могут, наконец, спокойно ждать дня, когда они будут снова призваны выполнить свой долг перед Родиной.

Несмотря на все пережитые тяжелые испытания, дух попавших в Болгарию офицеров, солдат и казаков остался по-прежнему непоколебимым; об этом свидетельствует само за себя их поведение в дни падения правительства Стамбульского, когда, разбросанные на работах по всей Болгарии, несмотря на все ранее бывшие гонения и притеснения, они свято выполнили призыв генерала Врангеля не вмешиваться во внутренние дела государства, давшего им приют.

Бизерта. Флот. Русский военный флот, выведенный из Крыма доблестным адмиралом Кедровым¹¹, в составе 30 судов, прибыл из района Константинополя в Бизерту к началу 1921 года. Тотчас по прибытии эскадры было предложено всем желающим списаться с кораблей и перейти на беженское положение. Таковых оказалось около 1000 человек; они были немедленно свезены на берег и устроены в беженских лагерях.

Прибывшие на судах эскадры раненые и больные, в числе до 500 человек, были сразу же по прибытии в Бизерту свезены во французский морской госпиталь, а семьи чинов эскадры

и морской кадетский корпус устроены в особых лагерях, причем в корпусе, вскоре же по прибытии, начались занятия.

Французские морские власти совершенно не вмешивались во внутреннюю жизнь эскадры и, обеспечив выдачу всем прибывшим продовольствия, все свои распоряжения передавали исключительно через командующего эскадрой. Все русские суда сохранили право стоять под своим родным андреевским флагом.

С марта месяца постепенно началось приведение судов эскадры в «состояние для длительного хранения» и непрерывное сокращение числа чинов эскадры. Всем списанным с кораблей командующий эскадрой приходил широко на помощь в смысле приискания заработка, попечения об инвалидах и детях, оказания содействия к выезду во Францию и организации касс взаимопомощи, а также мелких предприятий и мастерских. Всего из числа прибывших с эскадрой выехало на работы во Францию свыше 3 тысяч человек и осталось на работах в Тунисе до 1500 человек.

Французское морское министерство, дав словесное обещание сохранить все боевые суда русской эскадры вплоть до момента передачи их признанному Францией законному русскому правительству, это свое обещание касательно боевых судов пока выполняло; для покрытия же части расходов, связанных с эвакуацией и содержанием Русской Армии и флота, оно продало большую часть боевого запаса эскадры; кроме того, лучшая мастерская – транспорт Черноморского флота «Кронштадт» был уведен французами из Бизерты и включен в состав их военного флота. Все многочисленные протесты генерала Врангеля и адмирала Кедрова против продажи судов французами не были приняты во внимание.

До настоящего времени из числа 30 судов эскадры, прибывших в Бизерту, осталось 18 боевых выпелов: линейный корабль «Алексеев», крейсера «Корнилов» и «Алмаз», все миноносцы, подводные лодки и одно учебное судно. Суда эти, находящиеся в состоянии длительного хранения, обслуживаются и охраняются небольшими командами; всего в составе эскадры около 300 человек, не считая морского корпуса.

Учебное дело

Военные училища. С первых месяцев пребывания армии на чужбине Главнокомандующим было обращено внимание на организацию учебного дела. Несмотря на крайне тяжелые условия жизни, еще в военных лагерях, в шести военных училищах в Галлиполи и на острове Лемнос велись занятия по программам мирного времени, почти без пособий и необходимых средств. С переездом армии в славянские страны занятия эти были окончательно налажены, и за 2½ года пребывания на чужбине из училищ произведено было в офицеры до 2 тысяч юнкеров. Все училища давали, кроме военного, законченное среднее образование, а специальные – сверх того и техническое.

В тяжелых условиях жизни и при всех испытаниях, выпавших на долю армии, училища всегда высоко держали свое знамя и являлись рассадниками в армии честного, идейного и образованного офицерства, крепко спаянного внутренней дисциплиной. Заслуживает внимания то, что, несмотря на серьезное прохождение курса, по программам мирного времени, содержание военных училищ стоило значительно дешевле по сравнению с прочими средними учебными заведениями различных организаций.

Несмотря на значение и роль военных училищ в деле воспитания в рыцарском и национальном духе будущих офицеров, недостаток средств, находящихся в распоряжении командования, вынудил Главнокомандующего отдать приказание произвести последний выпуск юнкеров в офицеры 15 сентября 1923 года, после чего занятия в училищах прекратить.

Кадетские корпуса. В 3 кадетских корпусах, расположенных в Королевстве С.Х.С. в городах Сараево, Белая Церковь и Билеч, обучается в данное время до 1200 кадет, причем в послед-

нее время в одном из них открыт 8-й класс, окончание которого дает право поступления в высшие учебные заведения Королевства С.Х.С.

За время пребывания за границей корпуса окончили около 300 кадет, причем большинство из них поступили в университеты Королевства С.Х.С., около 100 человек – в Николаевское кавалерийское училище и сравнительно незначительное число удалось устроить в высшие учебные заведения Чехословакии, Германии и других государств.

Корпуса содержатся на средства, отпускаемые сербским правительством. Преподавание и воспитание кадет ведется в здоровом национальном духе, и корпуса производят во всех отношениях отличное впечатление.

Морской кадетский корпус, прибывший к началу 1921 года в Бизерту вместе с Русской эскадрой, за 2½ года пребывания на чужбине выпустил в корабельные гардемарины свыше 200 человек, из коих около половины устроено в высшие учебные заведения Франции и Чехословакии, а остальные частью выехали на различного рода работы во Францию, частью же остались на эскадре. В данное время в корпусе состоит преподавателей и административного персонала 33 человека, кадет – 140. Все чины корпуса получают паек от французов, и, кроме того, на содержание его командованием отпускаются небольшие средства. Несмотря на ограниченность денежных отпусков, корпус поставлен прекрасно и окончившие его гардемарины подготовлены для будущей службы и воспитаны в духе старых славных традиций флота.

Институты и гимназии. В Королевстве С.Х.С., кроме 3 кадетских корпусов, находятся еще 3 девичьих института, в которых воспитываются свыше 600 девочек, в том числе и дети чинов армии. Содержатся институты на средства сербского правительства.

В Болгарии, ввиду отсутствия подобных Сербии правительственных отпусков и принимая во внимание наличие там большего числа детей воинов школьного возраста, армия содержит на свои средства гимназию, основанную еще в Галлиполи, и интернат при Варненской гимназии Союза городов. В Галлиполийской гимназии учатся и находятся на полном иждивении командования свыше 150 детей, преимущественно сирот, а в интернате в Варне – 60 детей.

Устройство чинов армии в высшие учебные заведения. При эвакуации из Крыма в рядах армии находилось несколько тысяч лиц с незаконченным высшим образованием, прерванным войной как всемирной, так и гражданской.

В отношении этих лиц генерал Врангель счел своим долгом сделать все, чтобы дать им возможность закончить образование, учитывая, с одной стороны, острую нужду в образованных рабочих, которую будет испытывать Россия в период ее восстановления, а с другой – необходимость использовать для них время нахождения армии на чужбине.

Благодаря энергичным хлопотам удалось устроить в высшие учебные заведения в Праге до 1000 человек бывших русских студентов и из них 100 чинов армии. К данному времени число попавших в учебные заведения Чехословакии возросло еще на несколько сот человек.

После переезда армии в славянские государства удалось определить в высшие учебные заведения Королевства С.Х.С. несколько сот человек чинов армии и на первых порах поддерживать студентов выдачей им: 1) ежемесячных пособий и 2) отпуском средств на организацию общежитий и столовых. Всего к настоящему времени в высших учебных заведениях Королевства С.Х.С. учится свыше 1000 человек, прибывших с армией из Крыма.

Одновременно оказывалось и продолжает оказываться всяческое содействие и возможная материальная помощь чинам армии к переезду во Францию, Бельгию и Германию и другие государства с целью поступления в высшие учебные заведения. Всего из армии, прибывшей из Крыма, устроено в высшие учебные заведения различных государств свыше 2 тысяч человек.

Зная трудность для большинства офицеров получения средств к существованию путем непривычно тяжелого черного труда, единственного, на который они могут рассчитывать, не имея специальных знаний, отпущены были средства Союзу городов на открытие в Софии особых технических курсов. Уже несколько сот человек окончили эти курсы, и все они устроены на

сравнительно хорошо оплачиваемых местах. Одновременно оказывается содействие и помощь к поступлению на железнодорожные курсы в Королевстве С.Х.С. и американские технические – в Софии. На них также обучается в данное время несколько сот человек чинов армии.

Помощь инвалидам, нетрудоспособным и семьям чинов армии

До 1 сентября 1921 года, то есть до перехода армии на «трудовое положение», все инвалиды и нетрудоспособные, находящиеся в частях, а также и семьи чинов армии, получали установленный для всех паек и, кроме того, две первые категории еще и пособие на мелкие расходы.

С 1 сентября, когда каждый трудоспособный стал собственным трудом зарабатывать себе средства к существованию, были установлены следующие сокращенные отпуска указанным выше категориям:

1) Ежемесячно каждому члену семьи чинов армии отпускалось по 125 динаров в Королевстве С.Х.С. и по 200, а затем и по 300 левов в Болгарии, причем членами семьи указано было считать: жен, детей до 17 лет, не находящихся в закрытых учебных заведениях на казенном содержании, родителей мужа – чина армии и его жены, старше 43 лет, а также вдов и сирот чинов армии.

2) Ежемесячно по 500 и 400 динаров в Королевстве С.Х.С. и по 600 и 400 левов в Болгарии двум разрядам инвалидов, причем к 1-му были отнесены инвалиды генералы и бывшие командиры отдельных частей российской армии, не имеющие службы и не получающие помощи из других источников, а ко 2-му – все остальные инвалиды.

Впоследствии, с 1 января по 1 апреля 1923 года, инвалидами было указано считать лишь тех чинов армии, кои потеряли не менее 60 процентов трудоспособности, и всем им был установлен одинаковый оклад в Королевстве С.Х.С. – 400 динаров, а в Болгарии – 460 левов.

Все же офицерские и класные чины армии в возрасте от 43 до 50 лет стали получать ежемесячное пособие в 250 динаров (360 левов) и старше 50 лет – 400 динаров (460 левов).

Кроме того, для наиболее заслуженных, не имеющих службы офицеров, генералов и полковников, бывших командиров отдельных частей и кавалеров орденов Святого Георгия и Святого Николая были установлены ежемесячные отпуска по 500 и 450 динаров в Королевстве С.Х.С. и, соответственно, 610 и 510 левов в Болгарии, как пенсионерам армии.

Одновременно, для сокращения расходов, принимались меры к устройству инвалидов, нетрудоспособных и пенсионеров на службу и работы, причем в зависимости от заработка им должен был быть либо прекращен, либо соответственно уменьшен денежный отпуск. С 1 апреля требования, предъявляемые к лицам, получающим указанные пособия, были увеличены и число их, таким образом, сократилось. Категории пенсионеров были упразднены, и помощь продолжала оказываться лишь небольшому числу старших, особенно заслуженных и отличившихся воинов, коим были установлены ежемесячные отпуска: в 500 динаров и в 350 динаров.

Было произведено переосвидетельствование инвалидов, и они были разделены на 2 разряда: 1-й – потеря 100 процентов трудоспособности и 2-й – 75–99 процентов, в зависимости от чего им были установлены ежемесячные оклады в 500 и 350 динаров для Сербии и 610 и 460 левов для Болгарии.

Нетрудоспособные по возрасту были разделены также на два разряда: старше 55 лет и от 50 до 55 лет, – и стали получать по 350 и 250 динаров в Сербии и по 460–360 левов в месяц в Болгарии.

Семейное пособие было уменьшено в Королевстве С.Х.С. до 75 динаров в месяц на одного члена семьи и в Болгарии до 200 левов.

С 1 сентября, ввиду поднятия курса лева, установлены следующие оклады:

	В Королевстве С.Х.С.	В Болгарии
Пенсионеры	500 и 350 динаров	610 и 360 левов
Инвалиды 1-го разряда	500 динаров	610 левов
Инвалиды 2-го разряда	350 динаров	360 левов
Нетрудоспособные обоих разрядов	250 динаров	250 левов
Члены семьи	100 динаров	150 левов

В настоящее время получают постоянное ежемесячное пособие 25 пенсионеров, 800 инвалидов и нетрудоспособных, состоящих в рядах армии, и до 2000 членов семей.

С первых же дней пребывания армии на чужбине оказывалась помощь и тем инвалидам, которые не числились в армии, в виде периодических денежных отпусков на устройство инвалидов домов, организацию общежитий и мастерских, а также и на другие неотложные нужды.

С сентября месяца 1922 года было отпущено 250 тысяч динаров для организации помощи наиболее нуждающимся бывшим чинам армии и 500 тысяч динаров для оказания помощи инвалидам, находящимся вне армии.

Разверстка первого ассигнования была произведена по союзам, так как к этому времени почти все военнослужащие, временно выбывшие из армии, уже объединились в союзы. Разверстка же второго ассигнования была произведена пропорционально числу инвалидов, учитывая местные условия, в которые они были поставлены в различных странах.

Кроме того, в Болгарии до 1000 инвалидов, не числящихся в частях войск, получали до последнего времени еще и постоянное ежемесячное пособие, по 125–200 левов на человека, через российское общество Красного Креста, из остающихся 11 миллионов левов, внесенных в депозит болгарского правительства по вышеупомянутому договору последнего с представителями Главного командования.

Сделано все возможное, дабы поддержать на чужбине тех, кто потерял свое здоровье на поле брани, сражаясь за честь Родины.

Медицинская помощь

По прибытии армии в Константинополь на ее средства содержались более полугода врачебно-санитарные учреждения военных лагерей Галлиполи, Лемноса и Чаталджи, лазареты для беженцев в Константинополе и его окрестностях и 3 госпитальных судна.

Все эти учреждения в достаточной мере полно обслуживали армию и выполняли свое назначение как по ликвидации привезенных из Крыма эпидемических заболеваний, так и по борьбе с развитием новых в военных лагерях и в районе Константинополя.

Отпущенных средств хватило по их назначению лишь до середины 1921 года, после чего все указанные учреждения, постепенно сокращаясь, содержались примерно в течение года на средства, отпускаемые Советским правительством в Париже, а затем с августа месяца 1922 года все они снова поступили на содержание армии. Кредит на санитарные нужды был увеличен, что дало возможность открыть несколько новых санитарных учреждений и пополнить запас перевязочного материала и медикаментов, в особенности хинина, столь нужного для борьбы с малярией. Санитарное состояние, несмотря на нездоровые местами стоянки частей и тяжелые условия их жизни, вполне благополучно.

Армия содержит полностью и поддерживает функционирование следующих лечебных заведений:

1) В местах расположения рабочих групп околотки: в Королевстве С.Х.С. – 10, на 5 коек каждый, и 6 амбулаторий, а в Болгарии – 25 околотков, из коих 4 на 10 коек каждый, а все прочие на 5, и 1 амбулаторию. Всего 145 коек.

2) Обслуживающие рабочие группы санитарные учреждения (в том числе и Красного Креста): в Королевстве С.Х.С. 3 лазарета и в Болгарии 2 госпиталя на 50 и 25 коек.

3) Частично поддерживает функционирование медико-санитарных учреждений русского общества Красного Креста, обслуживающих как русских воинов, так и русских беженцев: в Королевстве С.Х.С. – госпиталь, лазарет, амбулатории и зубо врачебные кабинеты, в Болгарии – 2 госпиталя.

Всего израсходовано на санитарные нужды армии за год по Сербии свыше 500 тысяч динаров, а по Болгарии более 1 миллиона левов.

Заключение

Итоги сделанному почти за три года пребывания армии на чужбине: спасено от красного ига 150 000 человек, заработок обеспечен до 40 000 военнослужащим; учился в высших учебных заведениях разных государств до 3000 человек, в средних учебных заведениях до 5000 человек; поддерживается в разных странах существование до 6000 инвалидов и престарелых, а также до 2000 семей чинов армии. Многим десяткам тысяч оказана медицинская помощь.

В начале весны 1920 года, когда Добровольческая армия, после двухлетней борьбы, была прижата к морю, а великобританское правительство, дотоле поддерживавшее армию, ее оставило, генерал Врангель призван был в Крым, для того чтобы из рук Главнокомандующего генерала Деникина принять то русское знамя, которое подняли из праха, среди развала Родины, генералы Алексеев и Корнилов. Новый Главнокомандующий не мог обещать армии победу. Он обещал лишь «с честью вывести ее из тяжелого положения».

Хотя армия, оставленная всем миром, и вынуждена была, после беспримерной 8-месячной борьбы, покинуть пределы Отечества, но она не склонила русское знамя и вынесла его незапятнанным за пределы России.

Несмотря на то что Главнокомандующий открыто предупредил всех о полной необеспеченности в будущем и предложил каждому свободно решить свою судьбу, 150 тысяч русских людей предпочли оставление Родины позорному игу большевиков.

Беспросветным казалось ожидавшее их будущее, но, как и 8 месяцев назад, Главнокомандующий обещал им «с честью вывести их из тяжелого положения», «отстоять честь русского родного знамени на чужбине» и «дать возможность, не ложась бременем на приютившие их страны, собственным трудом обеспечить свое существование в ожидании лучших дней, когда служба их понадобится Родине».

В тяжелой борьбе со всем миром, среди страданий и лишений, армия сохранила честь русского знамени на чужой земле, заслужив уважение даже врагов. Перевезенная на Балканы, она обеспечена своим трудом.

Армия сохранила свою независимость – она не связана ни договорами, ни обязательствами ни с государствами, ни с партиями. Она спокойно может ждать дня, когда служба ее понадобится Родине.

В. Даватц¹², Н. Львов¹³

Русская Армия на чужбине¹⁴

На рейде Константинополя сосредоточилось до 126 русских судов. Здесь были и военные корабли, как крейсер «Корнилов», большие пароходы пассажирского типа и маленькие суда самой различной вместимости. Везде развевались русские флаги – андреевский и бело-сине-красный.

Раздавалась русская команда, слышна была русская молитва на утренней и вечерней заре, и громкое русское «Ура!» несло с кораблей, когда они проходили мимо «Корнилова», где на мостике появлялся Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель.

Так вот каково появление русских в Царь-граде. Многовековая история перевернута вверх дном. Это те русские, которые с давних времен являлись угрозой с севера для Османской империи, надеждой всех порабожденных христианских народов Востока, те, отцы и деды которых появлялись на берегах Босфора, стояли под самыми стенами Константинополя в Сан-Стефано.

На городских зданиях развеваются флаги всех народов-победителей – Англии, Франции, Италии, Греции, Сербии, – нет только русского знамени. Воды Босфора все также ровным прибоем ложатся на старинные стены и башни Византии. С кораблей виден по берегам Золотого Рога великолепный силуэт города, виден купол Святой Софии. Щемящее чувство охватывает, когда одну минуту задумываешься над тем, что случилось.

На Босфоре стоят английские дредноуты с гигантами пушками. По улицам проходят войска во французской, английской, греческой формах, а русские, затерянные в толпе, приравнены к тем, кого чернокожие разгоняют палками у ворот международного бюро, ищут приюта в ночлежках, пищи в даровых столовых.

Великолепные, с колоннами, здания дворца русского посольства на Пере все переполнены толпой беженцев, комнаты отведены под лазарет, и залы, видевшие прежде великолепие, с портретами императоров на стенах, теперь превращены в сплошной бивуак для прибывающих постояльцев.

Во дворе посольского здания толпа в дырявых шинелях с женщинами и детьми. Кто эти люди? Это те, которые были не последними в старой России, те, которые руководили делами, создавали культуру, богатство и могущество государства. А военные? Это те, которые с 14-го года пошли на войну, исполняя свой воинский долг, израненные в боях, теперь бездомные скитальцы, те генералы, которым воздаются почести во всем мире, национальные герои, прославленные за свой подвиг, это те «неизвестные», память которых чтут все народы, одержавшие победу в мировой войне. Здесь, в передних русского посольства, они жмутся и ютятся у стен, ожидая, где найти себе приют и помощь.

На первых же днях по прибытии в Константинополь состоялось совещание на крейсере «Вальдек Руссо». В этом совещании приняли участие Верховный комиссар Франции де Франс, граф де Мартель, генерал де Бургон, командовавший Оккупационным корпусом, адмирал де Бон и его начальник штаба и с другой стороны – генерал Врангель и генерал Шатилов.

На совещании было подтверждено соглашение, которое состоялось еще прежде с графом де Мартелем, что Франция берет под свое покровительство русских, прибывших из Крыма, и, в обеспечение своих расходов, принимает в залог наш военный и торговый флот.

Вместе с тем было признано необходимым сохранить организацию кадров Русской армии с их порядком подчиненности и военной дисциплины. На сохранении армии генерал Врангель настаивал самым категорическим образом. Это было необходимо по мотивам морального характера.

Нельзя было относиться к союзной Русской армии иначе, чем с должным уважением; нельзя было пренебречь всем ее прошлым, ее участием в мировой войне вместе с союзниками, кровью, пролитой за общее дело Европы, наконец, ее верностью до конца в тяжелой борьбе с большевиками.

Сохранение дисциплины, подчиненность своему командованию диктовались также практическими соображениями. Вся эта масса людей, сразу признанная толпой беженцев, оскорбленная в своем достоинстве и вышедшая из повиновения, могла бы представить серьезную угрозу для сохранения порядка. Эти соображения учитывались официальными представителями Франции.

Адмирал де Бон, генерал де Бургон и адмирал Дюмениль, как военные, чувствовавшие наиболее свой долг в отношении Русской армии, горячо поддерживали заявление русского Главнокомандующего. И под их влиянием Верховный комиссар Франции господин де Франс, типичный представитель дипломатического корпуса, дал свое согласие на сохранение в военных лагерях войсковых частей и подчиненности последних их генералам.

Таким образом, с согласия французских властей армия осталась цела, подчиненная своему командованию в порядке строгой дисциплины, со своей организацией, со своими судами, со своими боевыми знаменами и оружием.

На совещании было намечено также рассредоточение армии. Были выделены войсковые части и направлены – 1-й корпус, под начальством генерала Кутепова, в Галлиполи, кубанцы, с генералом Фостиковым, на остров Лемнос и донцы, под командой генерала Абрамова, в Чаталджу.

Штаб Главнокомандующего был сокращен до минимума. Правительство Юга России было переформировано. Кривошеин¹⁵ оставил свой пост и выехал в Париж. Ушел Тверской¹⁶, заведовавший внутренними делами, и другие члены крымского правительства. Струе продолжал вести дела внешних сношений, а Бернацкий¹⁷ – финансов, но оба они также скоро выехали в Париж. При Главнокомандующем остался из состава крымского правительства один Н.В. Савич¹⁸. Однако указа о сложении власти Правителя Главнокомандующим не было издано.

Генерал Врангель дал такое объяснение происшедшей перемене Южно-русского правительства: «С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России, и естественно, что этот термин сам собою отпал. Но из этого не следует делать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым, за ненадобностью название упразднено, но идея осталась полностью. Я несколько недоумеваю, как могут возникать сомнения, ибо принцип, на котором построена власть и армия, не уничтожен фактом оставления Крыма. Как и раньше, я остаюсь главой власти».

Акта отречения не последовало. Генерал Врангель не сложил с себя власти, преемственно принятой им от адмирала Колчака и генерала Деникина, и продолжал нести ее как долг, от которого нельзя отказаться. А в то время это означало возложить на себя всю ответственность в почти безнадежном положении. Русские общественные организации в Константинополе единодушно поддерживали Главнокомандующего.

В обращении своем от 17 ноября к генералу Врангелю представители Городского и Земского союзов, комитета русской адвокатуры, торгово-промышленных и профессиональных организаций Юренев¹⁹, Тесленко, Глазов, Алексеев и пр. заявляли: «Собравшиеся в Константинополе представители русских общественных организаций горячо приветствуют Вас и в Вашем лице доблестную русскую армию, до конца продолжавшую неравную борьбу за культуру и русскую государственность, и вменяют себе в неперемнную обязанность заявить, что они считают борьбу с большевизмом продолжающейся и видят в Вас, как и прежде, главу Русского Правительства и преемственного носителя законной власти».

«Мы ждем полного выяснения позиции Франции, – говорил генерал Врангель. – Если она не признает армию, как ядра новой борьбы с большевизмом, я найду путь для продолжения этой борьбы».

В этих словах левая печать усмотрела угрозу – нечто зловещее. На генерала Врангеля посыпались обвинения, что он хочет начать какую-то новую авантюру, жертвуя людьми ради своего личного честолюбия. «Дело Крыма безвозвратно кончено», – не без злорадства провозглашали они.

Для тех, кто не жил с армией, было непонятно, что иначе и не мог говорить генерал Врангель. Он говорил так (ив этом была вся сила его слов) потому, что так думали, так чувствовали и этого хотели десятки тысяч людей, офицеров и солдат Русской армии.

У них было свое прошлое, которое они не могли и не хотели забыть, свои подвиги и жертвы, которыми нельзя было пренебречь, у них сохранились ненадломленные силы и крепкий дух, непоколебленная вера в себя и в своих вождей. Они хотели оставаться тем, чем были, Русской армией.

Таким людям нельзя было сказать: «Вы кончили ваше дело, вы больше не нужны и можете расходиться на все четыре стороны, кто куда хочет».

Были ли упадочные настроения среди войск? Да, были. Они не могли не быть. Тяжелые удары судьбы, пережитые испытания, усталость после трехлетних непрерывных боев, лишения и страдания моральные, неизвестность будущего угнетали людей. Чтобы устоять в буре, нужны были исключительные силы, которых у многих не хватило. Но ядро армии было здорово. Люди готовы были идти тем же трудным путем, идти без конца, даже без надежды. Нашлись вожди, которые влили в них новые силы, подкрепили слабевших и падавших и вновь поставили их на ноги.

Положение русских на константинопольском рейде было тяжело, особенно в первое время, когда не организована была помощь. Однако те описания ужаса, которые стали появляться в печати, не соответствовали действительности.

«Уже два дня идет проливной дождь, – отмечает корреспондент. – Подул норд-ост, море свежеет, и палубные пассажиры, а их на каждом пароходе 60 процентов, в ужасном состоянии. Прибавьте к этому полное отсутствие горячей пищи в течение 10 дней, ничтожное количество вообще пищи, и слова объезжавшего пароходы морского врача вам не покажутся преувеличением. «Продержите пароходы еще неделю, и не понадобится хлопот о размещении беженцев. Все они разместятся на Скутарийском кладбище». «Стон и ужас стоят на Босфоре, – пишет другой. – Те лаконические вести, которые идут оттуда, только в слабой степени дают представление о творящемся там кошмаре». И наконец, третий говорит: «Они лежат, потому что не могут сидеть. Они сидят, потому что не в состоянии протянуть руку и произносить слова. Но есть еще стоящие, просящие, протягивающие руки и даже – о ужас, не понятый еще миром, – и даже улыбающиеся. О, эта улыбка распятого! Вспомните ее все, кто имеет еще память».

Такие свидетельства очевидцев являются скорее показателем развинченности нервов и страдают преувеличением. Поражало скорее другое – то спокойствие, с которым русские переносили невзгоды, обрушившиеся на них, поражала та бодрость, которую они сумели сохранить в себе, несмотря на всю тяжесть пережитого. «Мы шли семь дней в пути от Севастополя к Босфору, – пишет один из ехавших на пароходе «Рион». – Погода стояла тихая, безветренная. Море было спокойно. Если спросить, что переживало огромное большинство тех людей, которые битком набили каюты, палубу, трюм и все проходы на пароходе «Рион», то правильно было бы ответить: все были поглощены заботой, как бы согреть свои застывшие пальцы, как бы укрыться лучше от дождя, добыть кипятку, теплой пищи и кусок хлеба. И эти заботы так захватывали всего человека, что ничто Другое не приходило на ум. Люди, находящиеся в Совдепии, должны испытывать нечто подобное. Ощущение голода и холода доминирует над всем. Старый, развалившийся «Рион» был перегружен сверх меры. На нем, кроме большого военного груза,

помещалось до 6 тысяч человек. Пароход шел медленным ходом, с сильным креном на левый борт. В пути не хватило угля. Это случилось на 5-й день. Ночь была темная, накрапывал дождь. Ярко в темноте светился электрический фонарь на палубе парохода и качающийся то синий, то красный огонь на миноносце, шедшем на буксире. С вахтенной будки в рупор слышался голос капитана, и ему отвечал такой же голос в рупор с миноносца. Зловеще звучали эти голоса. Нужно было перегружать уголь с миноносца, где оставался его некоторый запас. По палубе заходили люди, и слышно было, как звякала цепь и шуршал канат. На противоположном конце какой-то старик с седыми волосами (его лицо было освещено светом электрического фонаря) громко произносил речь. Отдельные слова долетали до нас. Это была проповедь. «Туманы и мглы, гонимые ветром...» – говорил старик. Среди шума каната, топота ног по палубе вдруг раздалась песнь женского голоса. Пела помешанная миловидная молодая женщина, которую мы часто видели на пароходе ходящей по палубе. Ее мужа расстреляли большевики, ребенок ее умер, она сошла с ума в чрезвычайке. Она бродила по пароходу с веселой улыбкой и по временам пела всегда веселые песни. Глаза ее глядели, широко раскрытые, по-детски радостно. Вся ночь прошла в нагрузке угля. Это была страшная ночь. На следующий день нас взял на буксир американский крейсер и привел на Босфор. Мы стали среди голубого разлива. Зеленые холмы и скаты и красные камни у берега все были залиты лучами солнца. Раздалась громкая песнь, удалая русская песнь. Пели 40 кубанцев на нашей палубе. Говор замолк на пароходе, смолкли крики лодочников внизу. Песнь захватила всех. Как рукой сняло тяжелые переживания прошлой ночи. Как будто все стало иным, и даже наш «Рион», накренившийся на левый борт, уже перестал нагонять тоску своим унылым видом развалившейся проржавелой посудины».

130 тысяч русских в несколько дней на пароходах появились на Босфоре. Задача их прокормить и разместить представлялась нелегкой. Продовольствия, вывезенного из Крыма, хватало всего дней на 10. Константинополь не был подготовлен к приему такой массы людей. Тем не менее задача эта была разрешена благодаря дружным усилиям русских организаций, содействию американского Красного Креста, французов и англичан. Земскому Союзу было отпущено 40 000 лир из средств Главного командования. Были сняты хлебопекарни, организована выпечка хлеба, и на десятках барж хлеб ежедневно подвозился к пароходам. Таким образом, предсказания морского врача не сбылись в действительности. Вряд ли смертность среди русских была высока, несмотря на тяжелые условия, в которых они находились. Сыпной тиф, этот страшный бич, свирепствовавший в Ростове, Новороссийске и Екатеринодаре и уносивший тысячи жертв, больше, чем гибло в сражениях, в Крыму не был распространен. Явное свидетельство о хорошем санитарном состоянии армии. Он не был занесен и в Константинополь на пароходах.

С 4 ноября по 7-е подходили пароходы и останавливались на рейде «Мода». А уже 9-го стали отходить суда с войсками в Галлиполи и с беженцами в Катарро. Постепенно началась и разгрузка больных и раненых и остальной массы беженцев. Раненые были размещены в русских лазаретах – в здании русского посольства, в Николаевском госпитале, в Харбие, во французском госпитале Жанны д'Арк, а беженцы распределены по лагерям Сан-Стефано, Тузле, на островах Халки и в целом ряде других мест. Участие к русским выказали все иностранцы, но особенно американцы, снабдившие лазареты санитарным имуществом и медикаментами в самых широких размерах и оказавшие самую большую помощь. Также дружно работали и русские организации в Константинополе, Городской и Земский союзы, Красный Крест и представители русского Главного командования, объединившись в центральной объединенный комитет для согласования своих действий. Благодаря общей дружной работе бедствие было предотвращено.

* * *

Константинополь постепенно наполнялся рядом эвакуаций, начиная с первой одесской, затем со второй одесской, новороссийской и затем крымской. Массы русских прошли через Константинополь, частью осели в нем, а частью рассосались по другим странам, на Балканском полуострове и в Западной Европе. Кого только не было в среде русской эмиграции – и калмыки, и горцы, и казаки, и крестьяне Южной России. Были и представители зажиточных классов – торговцы, землевладельцы, промышленники. Была, наконец, в большом числе и русская интеллигенция. В рядах армии, а в особенности в первом корпусе, был столь значительный процент со средним и высшим образованием, какой вряд ли существовал когда-либо в другой армии. Были там рядовыми и офицерами и учителя, агрономы, техники, инженеры и студенты высших учебных заведений, гимназисты.

Никогда еще Европа не видела такой массовой эмиграции. Русских считается более 2 миллионов покинувших Россию. Это, в сущности, был выход целых слоев русского народа, мало похожий на французскую эмиграцию XVIII века. Россия лишилась в них своих лучших сил образованного общества. Русские оставили Крым не с тем, чтобы жить за пределами своего Отечества, как эмиграция. Они хотели оставаться русскими, вернуться в Россию и служить только России. Они уходили со своими учреждениями, учебными и санитарными, со своим духовенством, наконец, со своим флотом и со своей военной организацией. Войска расположились в лагерях Галлиполи, Лемноса и Чаталджи, а гражданское население и те, которые отстали от армии, разместились в беженских лагерях или разбрелись в Константинополе. Началось тяжелое существование, когда человек всецело поглощен заботами о насущном хлебе, о ночлеге, о том, чтобы как-нибудь добыть средства для своей семьи. Тяжело было видеть старых, заслуженных людей с боевыми отличиями, торгующими разными безделушками на Пере, русскую девушку в ресторанах на Пере, детей, говорящих по-русски, в ночную пору на улицах, заброшенных и одичавших, солдат в серых рваных шинелях, забравшихся во двор пустой мечети. Сколько раз приходилось встречать поздно ночью людей, укрывавшихся под карнизами домов от дождя и ветра. Нельзя было без краски стыда видеть русскую женщину в компании пьяных английских матросов в кабачке Галата. Какая тоска брала слышать русскую песнь, пропетую на улице женщиной под шарманку.

В этих ужасных условиях борьбы за существование люди были готовы на все, лишь бы как-нибудь устроиться. Одни нанимались на службу в английскую полицию, другие изыскивали способы бежать к Кемалю-паше, третьи завербовывались в иностранные легионы, не брезговали ничем, лишь бы вырваться из бедственного положения. Развивалась погоня за наживой, нездоровая спекуляция, торговали всем, чем могли, брались за все, ничем не гнушась, вплоть до открытия игорных домов и ночных притонов. Создавалась нездоровая атмосфера. Со всех сторон к Главному командованию посыпались претензии поставщиков и торговцев, озлобленных за понесенные убытки при крымской эвакуации. Они шумной толпой, друг перед другом стремились расхитить последние средства, оставшиеся для содержания армии. Нужно было оберегать и остатки сохранившейся казны и бороться, чтобы не допустить тлетворных влияний на дух армии.

В столице Оттоманской империи, занятой союзниками, положение русских было особенно тяжелым. Они не имели никакого подданства. Русские официальные представители не признавались. Все зависело от личного усмотрения оккупационных властей. Заступничество русского дипломатического представителя и военного агента могло иметь успех лишь благодаря их личным умениям и хорошим отношениям с союзниками.

Русский консульский суд продолжал действовать, но решения его не были обязательны для английской полиции. Русские были бесправны. Итальянское правительство наложило

арест и захватило все серебро, вывезенное из ростовского государственного банка, и казаки были лишены средств, в то время как они были в самом бедственном положении. Французы наложили руку на русское имущество, находившееся на пароходе «Рион», и тем самым отняли одежду и обувь у русских солдат, так нуждавшихся и в том, и в другом при наступившей зимней стуже. Мы испили чашу национального унижения до дна. Мы узнали, что значит жить на пайке, который все больше и больше урезывали, угрожая то и дело лишить всякого пропитания и выселить из помещения. Мы узнали, что значит быть в зависимости от заносчивого коменданта и грубого французского сержанта. Мы узнали надменность и высокомерие англичан, дерзость и заносчивость французов. Мы узнали, что значит не иметь права передвижения и с чем связано получение виз на выезд и приезд. На каждом шагу нам давали чувствовать, что русским не разрешено то, что разрешено французам и англичанам. Мы почувствовали, что с нами можно поступать, как нельзя это сделать с другими. Мы почувствовали это, когда нас спускали с лестницы и разгоняли в толпе палками чернокожие, одетые во французскую военную форму, когда нас выталкивали за дверь, чтобы дать дорогу французскому офицеру. Мы поняли, что значит сделаться людьми без отечества. Весь смысл сохранения армии в том и заключался, что, пока была армия, у нас оставалась надежда, что мы не обречены затеряться в международной толпе, униженные и оскорбленные в своем чувстве русских.

Русские оказались в Константинополе в узле сложных международных отношений. Столица Османской империи была занята союзными войсками, в водах Босфора стояли союзные эскадры. Власть находилась в руках верховных комиссаров Англии и Франции. Султан продолжал жить в своем дворце, при нем его двор, великий визирь и правительство. Но в Ангоре¹ другое турецкое правительство, с Кемалем-пашой во главе, не признавало власти султана, как пленника иностранцев. Стамбул переживал времена упадка и разложения, как много веков назад, когда грубые воины-крестоносцы, пришельцы с запада, наложили свои закованные в железо руки на одряхлевшую Византию и жадные купцы генуэзцы и венецианцы, как пираты, бросались расхищать сокровища гибнущей империи. Так же, как в те отдаленные времена из Анатолии поднимались на спасение империи горные пастухи под предводительством мужественных феодалов, так и теперь из тех же Анатолийских гор выступили такие же грубые пастухи, не хотевшие признавать над собою власти чужеземцев, как признала ее расслабленная и развращенная столичная толпа.

Русские, эвакуированные из Крыма, оказались в положении незваных гостей. Англия подозрительно относилась к военному лагерю у самого входа в Дарданеллы. Франция всеми силами старалась выжить русских из Чаталджи и Галлиполи, греки ревниво глядели на русскую военную силу под стенами Константинополя, мечтая сами захватить Царь-Град. Турки в то время были хорошо расположены к русским. При входе в мечеть аскер спрашивал: «урус?» – и приветливо пропускал внутрь храма, куда греков не допускали. В дни Рамазана во дворах мечетей можно было видеть много русских и никого из иностранцев. Русские не были победителями и не внушали к себе враждебности турок. Они были приравнены к ним и одинаково терпели от иноземной власти. По улицам Перы происходили греческие патриотические манифестации сперва венецелистов, а потом приверженцев короля Константина. Для русских и те и другие были одинаково чужды, и они одинаково оставались равнодушными к шумным уличным демонстрациям в столице Османской империи, так оскорблявшим национальное чувство мусульман.

Больше двух лет прошло со времени прекращения военных действий и больше года по заключении Версальского мира, а Европа все еще находилась в атмосфере войны. Ненависть и месть, порожденные пережитым ужасом войны, продолжали разделять европейские народы на два непримиримых лагеря – победителей и побежденных. Мира не наступило. Порванные

¹ Старое название современной столицы Турции Анкары. (Примеч. ред.)

связи не восстановлены во взаимных отношениях международной торговли, кредита, обмена и передвижения из одной страны в другую. Напротив, Европа распалась на ряд отдельных государств, оградивших себя такими заставами, что общение между странами было почти прервано. Во внутреннем управлении господствовал произвол, насилие и грубая расправа военного положения. Война против войны привела к тому, что никогда еще Европа не переживала такого напряженного состояния вооруженного перемирия. Ни войны, ни мира. Малые государства Польша, Румыния, Греция, Югославия изнемогали под непосильным бременем создания военной мощи и сильного государства. Франция не могла и не хотела приступить к разоружению, добиваясь силой принудить Германию к платежу наложенных на нее миллиардных долгов.

Программа Вильсона, возвещавшая установление мира на началах права и справедливости, на самоопределении народностей и уважении к правам слабых меньшинств, испарилась в залах Версальского дворца. От этих новых гуманных идей осталась, как отражение кривого зеркала, Лига Наций, без средств, без влияния, без авторитета, злая насмешка над провозглашенным идеалом.

Народы-завоеватели, немцы, венгры, турки, основавшие могущественные империи на покорении более слабых племен и народов, были побеждены. Старая Европа, созданная на крови и железе, рухнула. Империя Гогенцоллернов пала. Монархия Габсбургов развалилась на части, но восторжествовавшая демократия оказалась не менее их жадной к захватам, не менее беспощадной к слабым.

Италия не только присоединила славянскую область Триеста и Фиуме, но домогалась приобретения далматинского побережья и островов с греческим населением, как вознаграждение за участие в войне. Румыния отторгла от России Бессарабию, пользуясь слабостью соседа. Польша присоединила к своим владениям земли, населенные двумя миллионами русских, как приз победителя, а в Галиции не только не ввела автономии, но продолжала держать русскую область на положении военной оккупации.

А сколько пришлось перенести русским, искавшим спасения от большевиков на территории Польши и Румынии. На Днестре их с женами и детьми при переправе встречали выстрелами, в концентрационных лагерях подвергали жестоким насилиям и унижению, грабили, морили голодом, обращались хуже, чем с пленными врагами.

В отношении немцев, венгров, австрийцев в землях, присоединенных к Румынии, к Польше, Чехии и Югославии, все несправедливости стали возможны. Угнетенные сами превратились в угнетателей.

Общность экономической и моральной катастрофы Европы неизбежно диктовала необходимость общих усилий для восстановления старого, разрушенного здания. Но вместо солидарности между народами установился антагонизм и рознь, восторжествовал грубый государственный эгоизм и интерес господствующей национальности. Картина раздора и междоусобицы роняла моральный вес и значение Европы во всем мире. Европа была поражена бессилием. Старый мир востока и запада держался на таких колоссах, как Германия и Россия. После окончания войны Америка отошла от европейских дел, Англия не имела сухопутной армии. Осталась Франция как единственная сила для установления нового порядка на континенте и целая система малых, слабых, неокрепших государственных новых образований. Слабость этих сил тотчас же сказалась. Европа не могла справиться с задачей укрепления мира. Турецкие отряды Кемаля в несколько десятков тысяч скорее всякого вооруженного сброда, чем войска, являлись грозной опасностью для востока. Авантюрист д'Аннунцио, захватив Фиуме, дерзко бросал вызов всей Европе. Франция не могла исторгнуть от Германии наложенные на эту последнюю денежные обязательства. Но нигде не сказалось так бессилие Европы, как в русском вопросе. Известно выражение Клемансо: «России больше нет». Россия была признана пустым местом на карте Европы.

Усталая после мировой войны, Европа вначале сделала попытку одолеть большевизм как общего врага России и ее союзников. Но эта слабая попытка обнаружила все бессилие Европы, обнаружила также, что восстановление России в ее прежней мощи совсем не входит в расчеты западных держав. Когда была одержана победа над Германией, престиж союзников был велик. И малейшего усилия с их стороны было достаточно, чтобы воля их была исполнена. В это время германские войска, в количестве 500 тысяч, занимавшие Юг России, оставляли его, возвращаясь обратно в Германию. Было очевидно, что с их уходом вся эта огромная область, населенная более 40 млн. жителей, оставленная без вооруженных сил, будет охвачена анархией, вслед за которой тотчас же появится большевизм. Необходимость спасения всего этого русского края была настолько очевидна, что и генерал Вертело, а после Верховный комиссар по делам востока Франше д'Эспере дали обещания занять Юг России двенадцатью дивизиями пехоты и четырьмя кавалерии. Но вместо этого в Одессе высадились всего одна бригада французского десанта и такое же количество греческих войск. Они высадились в Одессе, заняли Севастополь, но не пошли дальше. Англия оказала поддержку Добровольческой армии, боровшейся на Кубани и на Дону против большевиков, присылкой в Новороссийск снаряжения и обмундирования. Но скоро обнаружилось, что союзники вовсе не намерены оказать бескорыстную помощь России. Россия была разделена на сферы французского и английского влияния. Восторжествовали интересы угля и нефти. Началась политика использования слабости России для извлечения своекорыстных выгод. Англия вела двойную игру. То, что делалось руками Черчилля, разрушалось политикой Ллойд Джорджа, а этот последний строил свои политические расчеты на поддержке большевистской власти, ослабляющей могущество России, опасной для интересов Англии в ее индийских владениях. В Закавказье Англия покровительствовала независимой Грузии и не допускала Добровольческих войск для занятия Баку. На севере генерал Марш предал армию генерала Юденича и поддержал образование независимой Аатвии и Эстонии.

Франция ставила ставку на могущественную Польшу. Бесцельно простояв в Одессе, французские войска внезапно ее бросили. Никогда еще моральному престижу Франции не было нанесено такого удара. Россия была брошена на произвол судьбы.

Россия переживала участь Польши времен ее упадка и ее разделов. Но разделы Польши совершались не дружественными союзными державами. Сознание несправедливости совершаемого было присуще даже участникам польского дележа XVIII века. Императрица Екатерина II в свое оправдание объявляла, что она возвращает России отторженные от нее земли. Мария-Терезия плакала, по циничному выражению Фридриха Великого, «плакала, но все-таки брала».

История знает разделы Польши, названные смертным грехом, тяготевшим над Европой, но история еще не знала расчленения дружественной державы ее же союзниками. Нельзя без чувства глубокого волнения читать слова из речи Черчилля, произнесенной им на англо-русском собрании в Лондоне: «Сила Лиги Наций будет испытана в русском вопросе. Если Лига Наций не сможет спасти Россию, Россия в своей агонии разрушит Лигу Наций. Всем легкомысленным, всем неосведомленным, всем простодушным, всем поглощенным личными интересами — я говорю: вы можете покинуть Россию, но Россия вас не покинет».

Веселье царило на улицах, когда я ехал сюда нынче вечером. Улицы были залиты тысячами, десятками тысяч народа, чувствующего, что настал момент, когда он может радоваться и торжествовать великую победу в великой войне. И есть ли здесь кто-нибудь, кто станет отрицать, что народ сполна заплатил за свое право оглашать воздух криками радости? На декоративных щитах, на улицах, начертаны наименования всех полей битв, рассеянных по всему земному шару, на которых ради праведного дела дралась наша молодежь, завоевывая себе место в истории.

Но видел я также, рядом с этими счастливыми толпами, мрачную фигуру русского медведя. Переваливаясь, ступал медведь через степи, через снега, шествуя на окровавленных

лапах, и он здесь среди нас. Его тень падает на наше веселье. Он стоит на страже, снаружи у дверей залы совета союзных держав. В Версальской галерее зеркал он пребывал недалеко от нас. И здесь, нынче вечером, мы ощущаем гнет его присутствия. Мир переделать невозможно без участия России. Невозможно идти по пути победы, благоденствия и мира и предоставить эту огромную часть человеческой расы на жертву мучениям во тьме варварства».

Война внесла глубокие изменения в психологию народных масс. Миллионы людей были оторваны в течение трех лет от родного очага, от своего привычного труда, от мирного уклада жизни. Они приобрели навыки военных лагерей и походов, сроднились с жизнью боевых приключений, лихорадочного возбуждения на полях битв во всех частях света. Они не хотели вернуться вновь к условиям повседневного труда с его заботами о добывании насущного хлеба. Множество людей из трудовых классов, выдвинувшиеся на военном поприще, уже не мирились со своим прежним социальным положением и не хотели снова сделаться конторщиками в магазинах, встать у станка на фабрике или спускаться в шахты на тяжелый труд.

Много было разоренных и обездоленных войной, множество семей потеряли своих единственных кормильцев и впали в нищету. На улицах Лондона можно было видеть инвалидов с кружками на груди, просящих милостыню. Гнет безработицы, наступившей после прекращения военных заказов, выгонял на улицы толпы рабочих. И наряду с этим роскошь новых богачей, разжившихся на общем бедствии войны, была в глаза и вызывала злобу и зависть. Росло возмущение несправедливостью существующего строя. Рабочие не хотели мириться с тяжелыми условиями своего существования. Производительность труда упала, наступило то, что было названо деморализацией труда.

Но такая же деморализация наступила и в области капитала. Развилась нездоровая спекуляция, не останавливающаяся ни перед чем, лишь бы нажиться – и такая же деморализация в политике. Гладстон говорил, что он никогда не приступал к произнесению речи в парламенте, не совершив про себя мысленно молитву. Какому богу молился Ллойд Джордж, когда он говорил свою известную речь о торговых сношениях с большевиками, не видя в этом ничего предосудительного, подобно тому, как в торговле с африканскими дикарями и людоедами? И английские судьи, прославленные за свое правосудие, применяясь к новым принципам британского правительства, морально опустили до того, что отказывали в иске русским торговым фирмам, хотя на запроданных большевиками товарах значились их торговые клейма. Никогда еще государственные люди не доходили до такого откровенного цинизма. Основы правовые и моральные, невидимые подпорки общества и государства, были расшатаны.

Общее явление обнаружилось во всех странах Западной Европы. Народные массы выступили на историческую сцену, их удельный вес поднялся, они выступили бурно, с притязаниями на свое место под солнцем, в осознании своей силы, с психологией неимущих, с враждебностью к зажиточным классам, без уважения к старым заслуженным авторитетам и старым традициям. Революция в России и крушение Германской империи не только подорвали монархический принцип, но и авторитет власти в Европе. Повиновение в силу почитания старых авторитетов исчезло, исчезло и сознание целого, и массы добивались вырвать силой то, что они хотели получить для себя. Воды вышли из берегов и бурными потоками стремились проложить новые русла. Наступил период массовых забастовок и рабочего движения, приближающегося к большевизму. Во главе правительств встали демагоги, вся задача которых сводилась к умению играть настроениями народных низов.

Это не была политика, руководимая высшим государственным интересом в предвидении задач и целей будущего, а политика обходов и зигзагов от одного случая до другого, политика, не внушавшая к себе ни доверия, ни уважения. Рабочие массы путем активных выступлений добивались удовлетворения своих классовых интересов под угрозой дезорганизации промышленности и разрушения государственного порядка. Ллойд Джордж приходил к соглашению на совещаниях с рабочими организациями, и их постановления преподносились парламенту как

готовое решение. Старый парламент Англии, окруженный вековым уважением, был унижен в своем значении, низведенный до роли учреждения, скрепляющего акт, навязанный ему соглашением премьера.

На этой же почве заигрывания с настроениями рабочих масс сложилась и политика сближения с большевиками. Красин уже был в Лондоне, и в марте последовало заключение торгового договора с советами. Мировая война, предательство большевиков, Брест-Литовский мир были забыты.

Зверский режим большевизма, явно разоблаченный в низости злодеяний, ими совершенных, в массовых расстрелах заключенных, в убийстве заложников, в казни епископов и священников, в гонениях на православную церковь, в грабежах и насилиях над мирным населением, в подлом убийстве русского государя, своею смертью запечатлевшего верность данному слову, – ничто не помешало премьеру Англии протянуть руку тем, кто был запятнан кровью и грязью неслыханных преступлений перед человечеством. В глазах английской демократии большевизм стал рисоваться как сила, сломившая царизм.

Старые предубеждения против России вновь всплыли на поверхность, и ненависть к самодержавию, как к режиму еврейских погромов и жандармского произвола, овладела общественным мнением Запада. Рабочие массы были воспитаны в тех же идеях классовой борьбы. Им внушали, что только пролетариат является носителем прогресса и ему одному принадлежит будущее. Их развращали лестью и демагогией. И когда в Москве провозгласили диктатуру пролетариата и торжество тех самых идей социализма, на которых рабочие воспитывались и на Западе, то, естественно, они стали видеть в большевизме нечто свое, совершенное пролетариатом, и солидаризировались с большевизмом. В Москву, как во вторую Мекку, стали стекаться последователи социалистических учений.

Из Москвы шли директивы и указания. К словам Ленина, этого грязного маньяка лжи и предательства, прислушивались во всей Европе. Горький превозносил Ленина, ставил его выше Петра Великого, объявлял его замыслы планетарными, попутно трунил над западным мещанством, которому угрожал нашествием гуннов, и над русским народом, этим ленивым, бездарным и пассивным существом, который заслужил свою жалкую участь и не внушает даже сострадания. Получалось отвратительное зрелище – превознесение гнусного явления большевизма.

Если бы одну сотую злодейств и преступлений, совершенных большевиками, позволил себе какой-нибудь абсолютный монарх, султан мароккский, то вся Европа была бы охвачена негодованием, а здесь кровавая оргия, мучительство нелепой и злобной тиранией целого русского народа не только не вызывало возмущения, но встречало сочувствие. Все это было сделано пролетариатом во имя социальной революции. И этим все злодеяния получали оправдание. Все антибольшевистские силы стали рисоваться как силы реакции.

Для общественного мнения Западной Европы не имело никакого значения, что это были русские патриоты, что белые войска были той Русской армией, которая начала мировую войну, что они боролись, оставались неизменно верными союзниками, все это ничего не значило. Таковы были чудовищные искажения русской действительности в затемненном сознании западноевропейского общества.

Только в Америке неуклонно обнаруживалось резко отрицательное отношение к большевизму. В ноте, направленной к Италии, правительство Северо-Американских Соединенных Штатов высказывается против европейской конференции, которая повлекла бы за собою два последствия, а именно признание большевистского режима и почти неизбежное разрешение русского вопроса на основе расчленения России.

«Хотя Соединенные Штаты и глубоко сожалели о выходе России из числа воюющих в критическое время и о несчастной сдаче ее в Брест-Литовске, однако Соединенные Штаты вполне понимали, что русский народ никоим образом за это не был ответствен.

Соединенные Штаты неизменно сохраняют веру в русский народ, в его высокие качества и в его будущее и уверены, что восстановленная, свободная и единая Россия вновь займет руководящее положение в мире, объединившись с другими свободными народами в деле поддержания мира и справедливости.

Мы не желаем, чтобы Россия в то время, когда она находится в беспомощном состоянии во власти не представляющего ее правительства, для которого единственным правом является грубая сила, была еще более ослаблена политикой расчленения, служащей чьим-то другим, но не русским, интересам.

Теперешние правители России не правят по воле или с согласия сколько-нибудь значительной части русского народа – это является неоспоримым фактом. Силой и лукавством захватили они полномочия и органы правительства и продолжают пользоваться захваченным, применяя жестокое угнетение в целях сохранения в своих руках власти.

Соединенные Штаты не могут признать суверенитет нынешних правителей России и поддерживать с ними отношения, обычные между дружественными правительствами. Это убеждение не имеет ничего общего с какой-либо особой политической или социальной структурой власти, которую пожелал бы избрать сам русский народ. Оно основывается на ряде совершенно иных фактов. Эти факты, которые никем не оспариваются, привели правительство Соединенных Штатов независимо от его воли к убеждению, что существующий в России режим основан на отрицании всех принципов чести и совести и всех обычаев и договоров, служащих основанием для постановлений международного права.

Ответственные руководители этого режима часто и открыто провозглашали и хвастались, что они готовы подписать соглашения и договоры с иностранными державами, не имея в то же время ни малейшего намерения соблюдать подобные сделки и выполнять такие соглашения.

Большевистское правительство находится под контролем политической партии, имеющей широкие международные разветвления, и этот международный орган, широко субсидируемый большевиками из государственных источников, открыто преследует цель возбуждения революции во всем мире.

По мнению правительства Соединенных Штатов, у него не может быть общей почвы с властью, понятия которой о международных отношениях столь чужды его собственным понятиям и претят нравственному чувству.

Не может быть взаимного доверия и веры, не может быть даже уважения, если приходится давать залогов и заключать соглашения двум странам, из которых одна с самого начала держит в уме циничное отрицание своих обязательств».

Справедливые указания правительства Северо-Американских Соединенных Штатов, полные веры и дружбы к русскому народу, не были услышаны в Европе, и Англия, а за ней и Франция и другие государства встали на путь сближения с советами и одновременно расчленения России.

Последствия были таковы. Если взглянуть на карту России в ее современных границах, то можно увидеть, что Россия потеряла приобретения Петра Великого и Екатерины II, отрезана от Балтийского моря и отброшена в Азию.

Политика же соглашения с большевиками привела к тому, что в Москве укрепился III Интернационал. Преступное сообщество, даже в революционном подполье представлявшее серьезную угрозу, превратилось теперь во всероссийскую власть и использовало все огромные богатства страны и неисчерпаемый людской материал для партийной цели всемирной революции.

В области экономической – шестая часть земного шара, благодаря совершенному над нею коммунистическому опыту, изъята из международного торгового оборота, и Россия из страны, вывозящей хлеб и сырье на многие сотни миллионов золотом, превратилась в страну, нуждающуюся в привозном хлебе для прокормления своего населения.

Все уверения о возможности эволюции большевистской власти оказались пустым вымыслом. Никакая торговля, никакой вывоз из России сырья стал невозможен. Голод, наступивший в ближайшее же лето, ясно обнаружил, что русский народ под большевистской властью обречен на вымирание. Таковы были последствия западноевропейской политики в отношении России.

А в Галлиполи и на Лемносе 50 000 русских, оставленных всеми, являлись на глазах у всего мира живым укором тем, кто пользовался их силой и их кровью, когда они были им нужны, и бросил их, когда они впали в несчастье.

* * *

В последних числах ноября председатель Совета министров Аейг сделал заявление в комиссии по иностранным делам, что политика Франции в отношении Советов остается точно такой же, как и предшествовавшего министерства.

Председатель Совета министров добавил, что он склонен разрешить коммерческие сделки между французами и русскими, он также не считает нужным продолжать блокаду, чтобы не сделать русский народ ответственным за ошибки его правителей. Что же касается генерала Врангеля, то после его поражения Франция считает себя свободной от всяких по отношению к нему обязательств и только из гуманных побуждений Франция приходит на помощь его солдатам.

Из заявления Лейга было ясно, что французское правительство было готово вступить на тот путь, который указан был Ллойд Джорджем, – если не прямого признания большевистской власти, то соглашения по торговым делам и сближения с ними. Неминуемым последствием такой политики являлся и отказ от всякой связи с Русской армией. Как только заявление Лейга стало известно генералу Врангелю, он тотчас же уведомил наших представителей в Париже, что оно произведет на армию удручающее впечатление. «Не могу верить, – заявил генерал Врангель, – чтобы интересам Франции отвечало обратить организованную и крепкую духом армию, ей дружественную, в стадо беженцев, озлобленное против союзников, бросивших их на произвол судьбы. Положение армии очень тяжелое, и только надежда на использование ее по прямому назначению, то есть в борьбе против большевиков за освобождение Родины – все равно, теперь или позже, – может сохранить ее, иначе должно наступить разложение». И действительно, распространившиеся слухи о перемене французской политики произвели удручающее впечатление на русских. Была потеряна уверенность в завтрашнем дне, каждый спрашивал себя – что же с нами будет?

Условия первоначального расселения в Галлиполи были тяжелы. Приходилось устраиваться в полуразрушенных зданиях, часто без окон, без печей и с дырявой крышей. Все приходилось делать своими руками, при большом недостатке материалов. Положение в лагере, находившемся в нескольких верстах от города, по тесноте палаток, отсутствию дров, печей в достаточном количестве, было крайне тяжело. Из этого положения удалось выйти благодаря исключительной энергии и настойчивости генерала Кутепова. Спасло и то, что во главе французского командования мы встретили таких людей, которые не формально исполняли предписания своего начальства, а, понимая и участливо относясь к русским, входили во все нужды их положения и оказали им и моральную поддержку, и материальную помощь, насколько они были в силах. Генерал де Бургон, этот старый военный, понимавший те связи чести, которые соединяли союзные армии между собой и прилагавший и ранее все усилия, чтобы улучшить жизнь наших людей в Галлиполийском лагере, поспешил успокоить тревогу, вызванную известием об изменении французской политики. «Не может быть и вопроса, – писал он, – о разрушении организации армии, но какое бы ни было ее дальнейшее назначение, французские власти так же, как и вы, стремятся обеспечить благодаря этой военной организации безусловный порядок и дисциплину. Воспользоваться армией как вооруженной силой не входит в намере-

ния французского правительства. Таким образом, военная организация должна иметь ту цель, чтобы свести к минимуму риск возможных осложнений, в ожидании того назначения, которое будет указано. Мы рассчитываем на помощь как личного авторитета генерала Врангеля, так и на его влияние на армию, для того чтобы спокойно провести этот период ожидания». В лице адмирала де Бона, этого исключительного по благородству человека, мы нашли настоящего друга, который не остановился перед тем, чтобы в донесениях своему правительству защищать Русскую армию от всего того вреда, который могли нанести ей неправильные распоряжения из центра.

Старый адмирал переживал вместе с русскими все их страдания, понимал всю боль их национального унижения, понимал, что это те же люди, которые своей кровью оказали помощь для спасения Парижа. Он не раз сопровождал генерала Врангеля при его поездках в военные лагеря и, видя тот бодрый дух, который господствовал среди русских войск, он признал, что безумие среди того бессилия, которым поражена вся Европа, сводит на нет такую силу, какую представляют собой русские войска, умеющие так бодро переносить все невзгоды и всегда готовые идти в бой со своим врагом. Адмиралу Дюминилу точно так же мы обязаны тем, что в тяжелую минуту он помог нам выйти из критического положения. Организация армии была сохранена, и авторитет главнокомандующего не был подорван. При поездках главнокомандующего в лагеря, он лично мог убедиться, какой бодрый дух господствует среди войск. Войска встречали своего главнокомандующего с таким воодушевлением, что ясно было, что они готовы за ним следовать и уверены, что только с ним они могут найти путь из, казалось бы, безвыходного положения. Вскоре, вслед за известием о декларации французского правительства, было получено сообщение от старшины дипломатического корпуса М.Н. Бирса о дальнейших предположениях французского министерства. Международная обстановка, тяжелое финансовое положение и соображения внутренней политики лишают французское правительство возможности взять на себя задачу сохранения армии. Единственная возможность продолжить помощь – это рассматривать всех эвакуированных как беженцев, исключительно с гуманитарной точки зрения. Только при этом можно рассчитывать на получение средств. Ради этого необходимо придать делу помощи характер благотворительного почина самих русских, создав в Париже не политическое, а общественное объединение, для приискания средств и оказания помощи всем беженцам. Это сообщение, подтвержденное потом и официальным представителем Франции в Константинополе, произвело большое смущение в русских константинопольских кругах. Ясно было, что французское правительство не только хочет свести армию на положение беженцев, но хочет окончательно устранить генерала Врангеля, передать распоряжение денежными средствами и попечение о беженцах в руки организованного в Париже благотворительного комитета. До этих пор вся организация помощи велась Центральным Объединенным Комитетом при участии и в полном согласии с представителями Главного командования. Организация эта была налажена и давала хорошие результаты. С этого же времени начинается ряд трений. Естественно, что если Главнокомандующий устранялся французским правительством, то кто-нибудь должен был занять пустое место и каждая из организаций, по весьма понятным причинам, стремилась взять в свои руки и средства, и дело благотворительной помощи. Все те, кто был настроен против армии, подняли голову. А недовольных было много, было много раздраженных людей, готовых винить и Кривошеина, и генерала Врангеля, и штаб, и гнилой тыл в бедствиях, их постигших. Оставшиеся за штатом, не сумевшие найти новых мест и новых окладов, озлобленные и ожесточенные, целой толпой наполняли посольский двор, этот центр, откуда исходили все слухи, сплетни, злословия и клевета по городу. И в рядах войск были, конечно, такие, которые не могли выдержать тяжелых испытаний. Гражданская война, со всеми ее ужасами, тяжелое переживание наших неудач, безвыходность положения создали много недовольных. Иные потеряли всякую волю и истрепанные, привыкшие к

разгулу, даже доблестные офицеры, теперь с надорванными силами, с разрушенным организмом, подавленные морально, представляли элемент, разлагавший армию.

За период Гражданской войны, когда офицеров переманивали то в украинские войска на службе гетмана, то к Петлюре, то в разные организации немецкой ориентации, то к полякам, в войска Булак-Булаховича²⁰, – выработался особый тип авантюристов, подобных ландскнехтам Валленштейна, готовых служить кому угодно, но и готовых во всякое время на предательство. «Перелеты», как их называли в смутное время на Руси. Были и офицеры, подобные Слащеву²¹, этому когда-то доблестному защитнику Крыма, а теперь морально деградировавшему человеку. Был «матрос» Баткин, когда-то, по поручению адмирала Колчака, объехавший всю Россию для произнесения патриотических речей, а теперь – продавший себя большевикам и служивший их тайным агентом в Константинополе. Был и Секретев²², совершенно спившийся и погрязший в разгуле, был и полковник Брагин, продававший впоследствии русских в Бразилию как белых негров, плантаторам Сан-Паоло. Все эти люди и им подобные шумной толпой требовали, клеветали, старались захватить что-то и всеми средствами повредить тем, кого они ненавидели в данное время. Генерал Слащев издавал брошюры, требовал суда общества и гласности. Он обвинял генерала Врангеля, что последний не принял его плана защиты Крыма, и уверял, что если бы он, Слащев-Крымский, встал бы во главе войска, то Крым был бы спасен снова. А вместо этого он уволен и принужден влачить тяжелое существование беженца. Генерал Врангель обещал будто бы всем своим офицерам материальную помощь, а теперь утаил какие-то деньги и оставил его, генерала Слащева, на произвол судьбы. Какой-то анонимный автор обличал в «Записках строевого офицера» все стратегические ошибки штаба Главнокомандующего, как будто бы это в данное время имело какой-либо смысл, кроме желания обличения и нанесения вреда Русской армии. Вот от какой заразы приходилось оберегать людей.

Нелегко было выбраться из узла интриг, недоброжелательства, сплетен и мелких происков, отстоять армию и от «союзников», готовых затянуть мертвую петлю на ее шее, и от морального разложения внутри ее самой. И если тем не менее удалось выйти из этого положения и не застрять в топком болоте морального упадка, то это произошло потому, что в среде самих же русских нашлись люди, сохранившие в себе здоровые нравственные силы, чтобы дать отпор разлагающим влияниям. Нашлись и среди иностранцев такие, которые выказали столько человеческого участия к бедствиям и страданиям людей. Сестра милосердия французского госпиталя Жанны д'Арк, не ограничиваясь тем, что заботливо ухаживала за своими ранеными, сама искала – где и как бы помочь людям, всегда с особой приветливостью и добротой оказывая русским всевозможные услуги. Американец, еще с Екатеринодара принимавший участие в помощи русским и привязавшийся к ним, теперь не оставил их в несчастье, и сколько русской молодежи обязаны ему возможностью окончить свое образование! Седой мулла, встретив в переулке Стамбула такого же старика, русского беженца, в обтрепанной одежде, кладет ему в руку пять лир и поспешно отходит, чтобы тот не возвратил ему деньги. В переулках Галаты и на крутых спусках у моста можно было видеть старую женщину, пробирающуюся поздно вечером. Она искала заброшенных детей – под мостом, в пустых дворах мечетей. Она ловила их, часто отрывавшихся и убегавших от нее, вела к себе, обогревала, кормила и после устраивала в приюты. Эта старая женщина была еврейка. Вот такому участию к человеку и обязаны русские своим спасением.

Но как только к незажившим ранам прикасалась жесткая рука политики, так тотчас творилось злое дело. Для французов те несколько десятков тысяч человек, которые были выброшены судьбой на берег Галлиполи, на Лемнос и в Константинополь, явились докучливым осложнением, от которого не знали, как отделаться. Для англичан – антибольшевистской силой, которую нужно было ликвидировать, чтобы она не мешала им заключить выгодную сделку с большевиками. И английские генералы, принимавшие такое деятельное участие

в помощи русским в армии генерала Деникина, теперь отворачивались от них и оставались безучастными к их бедствиям. Для партийных деятелей левого лагеря русские в Галлиполи оказывались «врангелевцами», которых нужно лишить всякой поддержки и чем скорее с ним покончить, как с силой реакционной, тем лучше. И начиналась кампания клеветы и доносов, направленная на разрушение того, что создавалось русскими в Галлиполи с таким самоотвержением и с таким трудом. Для католических монахов, раз возникал интерес святого престола, русские представлялись как заблудшее стадо, которое нужно было вернуть в лоно католической церкви, и начиналось совращение из православия малолетних детей и измученных, истерзанных бедствиями несчастных русских людей. Для турок, которые так хорошо относились к русским, как только начиналось подстрекательство, русские превращались в гяуров. И тот же добрый мулла, подававший милостыню старику русскому, готов был призывать к резне русских, так же как и армян.

* * *

Струве²³, находившийся в то время в Париже, обратился с письмом к министру-президенту Лейгу. «Армия, – писал Струве, – покинула Крым под давлением превосходных сил неприятеля, в уверенности, что, оставляя свою родную землю, она не вынуждена будет положить оружия, но сохранит свою организацию в целях продолжать борьбу в будущем. Решение союзников, угрожающее положить конец существованию нашей национальной армии, не может не вызвать среди войск горячего чувства возмущения. Мы присоединяемся к этому протесту со всеми русскими патриотами и считаем своим долгом привлечь внимание правительства республики на самые губительные последствия принятого решения». Но этот горячий протест русского патриотического чувства был заглушен другими голосами из противоположного лагеря.

Уже давно левая печать вела кампанию против Белого движения и против Русской армии, боровшейся в Крыму. Партийные деятели эсеров, находившиеся за границей, в чешском, тоже социалистическом, правительстве, и особенно в президенте Масарике и министре Бенеше, нашли себе поддержку и покровительство. Они избрали Прагу своим центром, где и начали издание газеты «Воля России». Оставление Крыма Русской Армией явилось для них давно ожидаемой неизбежной катастрофой, и не без злорадства они заявляли, что Белому движению с его генеральской диктатурой положен конец раз и навсегда. В своих изданиях, подтачивая сообщения корреспондентов, они изображали эвакуацию из Крыма как паническое бегство. «Население Крыма грузилось на суда, пробивая себе дорогу в порту револьверами и штыками. Число покончивших самоубийством, сброшенных и бросившихся в море – не поддается учету».

«Исход с Юга России начался еще до оставления Деникиным Екатеринодара и Ростова, – писали в «Современных Записках». – После Новороссийска он только на время задержался: переместившиеся в Крым воинские части и беженцы по истечении 8 месяцев снова поднялись, чтобы снова бежать, на этот раз уже за пределы Родины». И это говорилось в момент нашего наивысшего национального унижения, когда люди, зажатые в тиски, с отчаянием боролись за право на уважение к себе, за сохранение достоинства русского имени...

Как раз в это время Милюков нашел вполне подходящим переменить курс своей политики. «Крымская трагедия» в третий или в четвертый раз показала непригодность генеральско-диктаторского метода борьбы с московскими правителями, утверждали эсеры. Вслед за ними и Милюков признал, что эвакуация Крыма не временный стратегический ход, удачно выполненный, а катастрофа, с которой уходит в прошлое целая полоса борьбы. Объяснение же катастрофы Милюков находил в неразрывной связи военной диктатуры с определенной социальной группой, не сумевшей отказаться ни от своих классовых стремлений, ни от своих

политических взглядов, принадлежащих к прошлому, а не к будущему. Таковое решение было принято Милюковым, так же как и в вопросе германской ориентации, без всякого соглашения со своими политическими единомышленниками. Из среды самой кадетской партии тотчас же последовали возражения на новую тактику, объявленную Милюковым. В газете «Руль», издаваемой Набоковым, писалось: «Зарубежная русская общественность переходит на новые позиции, на которые левая часть ее перешла уже раньше, еще в то время, когда борьба продолжалась. Трагично лишь то, безмерно трагично, что не могут последовать за общественностью те сотни тысяч добровольцев, которые, восприняв прежние, отброшенные теперь лозунги, положили свои молодые жизни на северном, южном, восточном и западном фронтах в неустанной борьбе с большевиками. Не менее мучительно думать о том, какие чувства должны испытывать десятки тысяч эвакуированных из Крыма солдат и беженцев и при виде открывшейся им картины русской эмиграции, от них отрекающейся. Но так или иначе, вопрос решен, как пишет П.Н. Милюков, бесповоротно, даже самыми упорными сторонниками вооруженной борьбы, в среде которых он занимал почетное место благодаря его авторитету».

Но все это нисколько не смущало Милюкова, и он с упорством, достойным лучшего применения, продолжал отстаивать свою точку зрения. И когда ему указывали, что и в Особом совещании при генерале Деникине принимали участие видные кадеты, как Астров²⁴, Степанов²⁵, Федоров²⁶, а Долгоруков²⁷ и Струве сотрудничали с генералом Врангелем в Крыму, он, ничуть не смущаясь, заявлял: «Я не скрываю от себя, что кадетизм за истекший период в известной степени испортил свое лицо. Но элементы будущего у нас есть, и без них обойтись будет невозможно».

«Я полагаю, – настаивал Милюков, – что период военной диктатуры окончен. Те, кто еще не убедился в этом, поймут это очень скоро, через небольшое количество недель».

Предсказание Милюкова, несмотря на всю его самоуверенность, не оправдалось. Не только через несколько недель все не усвоили точки зрения Милюкова, но сам он оказался лидером, от которого отказывается своя же собственная партия. Конечно, не все могли с таким легким сердцем признать, что, участвуя в героической борьбе против большевиков, они тем самым «портят лицо кадетизма», как это сделал Милюков.

«Будущее принадлежит тем, – самоуверенно заявил Милюков, – кто окончательно скомпрометировал себя в революции и тем неразрывно связал себя с нею». Очевидно, что к таким «скомпрометированным» людям Милюков причислял прежде всего самого себя, но он забыл, что он был скомпрометирован не только в революции, но и в германской ориентации, а в глазах революционеров в империализме, когда во время самого разгара революционных страстей он настаивал на завладении Константинополем. Но Милюков привык считать себя звездой первой величины, и его ничуть не смущали ни возражения товарищей по партии, ни уроки прошлого.

При большой умственной трудоспособности Милюков никогда не отличался чуткостью, он делал одну бестактность за другой, и, сделав, он тем упорнее защищал свою позицию, чем очевиднее была ошибка. Он думал, что с людьми можно обходиться как с фигурами на шахматной доске, расставляя их по своему усмотрению, и забывал, что политика делается на человеческой коже.

Когда-то в Екатеринодар, в дни больших успехов Добровольческой армии, приезжал Милюков на кадетский съезд, чтобы оказать поддержку генералу Деникину. Тогда в одной из газет была напечатана резкая статья, казавшаяся несправедливостью, о том, что кадеты, приветствующие Добровольческую армию теперь, при ее победах, отказались бы возложить венок на ее могилу в случае ее поражения.

К счастью, не вся партия кадетов заслужила такой резкий, но справедливый отзыв. За Милюковым потянулись все уставшие, гибкие и неустойчивые, все те, кто считал Крым провалившимся делом, генерала Врангеля конченным человеком и искал новой точки опоры; за ним пошли и те, которые не умели самостоятельно идти своим путем и привыкли следовать за

своим лидером. Наконец, пошли и те, кто был связан с Милюковым узами давней дружбы и совместной работы, краснели, но все-таки пошли.

«Революция в России совершилась, – утверждал Милюков, – хотя и в безобразных формах, но все-таки совершилась – это нужно признать». Милюков никогда не отличался брезгливостью, он мог пить из мутного источника и утверждать, что это сладчайший демократический нектар. Позиция Милюкова, его новая тактика, не могла не встретить отпора в русских кругах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.